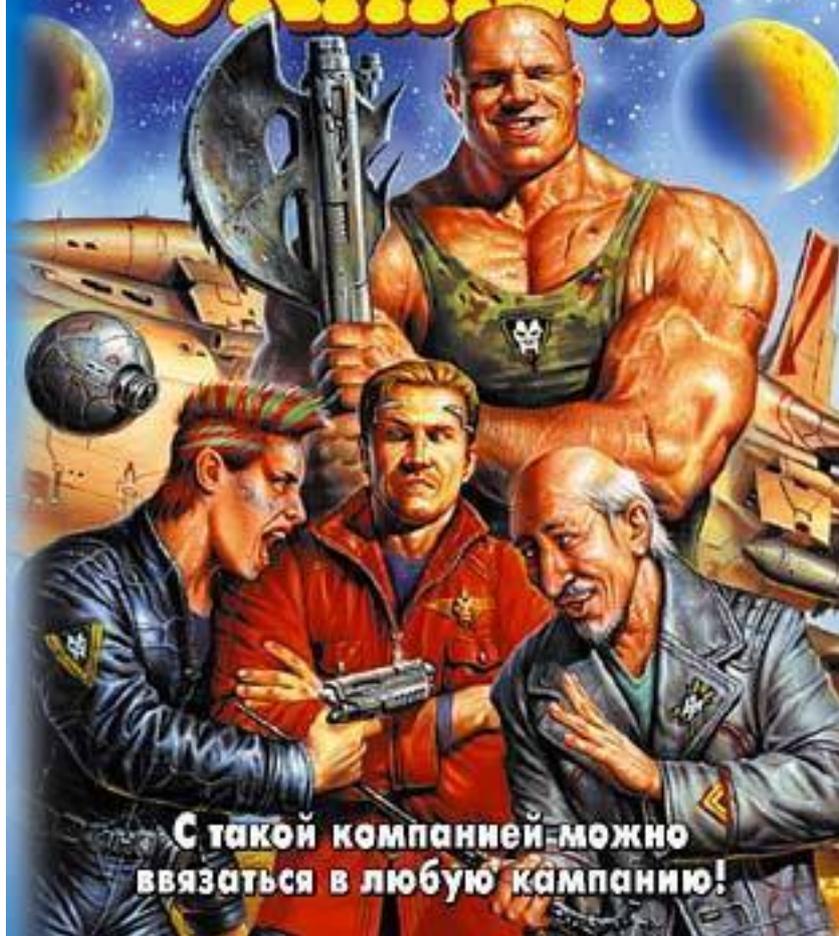

Александр Рудазов

Экипаж

С такой командой можно
ввязаться в любую кампанию!

Александр Рудазов

Экипаж

«Автор»

2005

Рудазов А. В.

Экипаж / А. В. Рудазов — «Автор», 2005

До той роковой встречи в темной подворотне Михаил Ежов на судьбу не жаловался: трудился себе частным детективом, регулярно посещал тренажерный зал, не имел семьи, зато имел множество друзей (и подружек) – чем не жизнь? Но одной прекрасной (точнее, ужасной) ночью он, на свою беду, обменялся рукопожатием непонятно с кем. И что же теперь делать бедолаге, оказавшемуся на борту самого настоящего звездолета, в самом настоящем будущем? Да еще капитан этого звездолета куда-то запропастился... Дудки! Да где же ему быть, как не у нас, в России. Догоняете? Сам ли туда попал или помог кто – в любом случае надо его как-то возвращать, только вот как? Ведь все вокруг уверенно говорят, что путешествия во времени невозможны! Так, может, это и не будущее вовсе?..

© Рудазов А. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	38
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Рудазов

Экипаж

Процедура перемещения во времени сравнительно несложна, хотя за ней скрывается многолетний труд сотен людей.

Игорь Можейко (Кир Булычев)

Перемещение во времени невозможно.

Максимилиан фон Лейбель

Глава 1

– Ну все, Семен, будь здоров. Завтра как всегда?

– Как всегда, смотрите не опаздывайте. С плечами-то у вас нормально, а вот пресс дрябловат, надо подкачать...

– Так ты профи, тебе виднее. Пока, Семен, – протянул руку Александр Максимович.

Перов неохотно ответил на рукопожатие – его постоянный клиент носил перстень с на редкость острыми гранями. Александр Курцов уже третий месяц посещал тренажерный зал «Витязь», каждый раз при встрече и прощании совал его владельцу и единственному тренеру ладонь и почти каждый раз царапал ему палец. Мелочь, пустяк, но раздражает. И сказать не скажешь – неудобно как-то...

– Пока, Михаил, – протянул руку теперь Ежову Александр Максимович. Он всех так называл – по одному только имени, без отчества. Уменьшительных и сокращенных форм Курцов тоже не признавал – никогда не называл Владимиров Володями, Сергеев Сережами, Дмитриев Димами и так далее. Только полный вариант.

Ежов пожал ему руку не более охотно, нежели Перов: этот перстень уже стал в качалке притчей во языцех. В прошлом году они один раз пересекались с Курцовым, и тот распорол ему ладонь. О, нечаянно, разумеется! Он тогда долго извинялся...

И в этот раз история повторилась. Курцов в последний момент дернул рукой, и через весь палец Михаила отчетливо проступила кровавая полоса. Тот pokrивился от боли – мало кому нравится, когда ему ни за что ни про что распарывают палец.

– Эх, что же это я, Михаил... – почти искренне огорчился мужик. – На вот платок, промокни.

– Да не надо, что уж... – попытался отказаться Ежов, но Александр Максимович чуть ли не силком заставил его вытереть кровь.

Потом Курцов спохватился, что это памятный платок, с вензелем, извинился, забрал его обратно и вручил Ежову другой.

– Да ладно вам, Александр Максимович, ерунда какая, – уже не знал, как отвязаться, Михаил. – Вон, кровью карман испачкали...

Перов повернул ключ в замке и вразвалочку двинулся по тротуару, любуясь первыми звездами. Он всегда любил смотреть на звездное небо. Ежов двинулся следом – они жили в соседних домах.

– Михаил, Семен, может вас подвезти? – крикнул вдогонку Александр Максимович. – Михаил, я ж тебя покалечил...

– Подумаешь, палец, плюнули и забыли! А мне всего два квартала! – ответил Михаил.

– Пешочком прогуляемся, полезно... Воздух-то какой, Александр Максимович! Май на дворе! – весело крикнул Перов.

– Поздно уже – вдруг хулиганы какие пристанут?

Все трое хором засмеялись над этой незамысловатой шуткой. Чтобы Семен Перов, владелец частного тренажерного зала, бывший штангист, «супертяж», до сих пор способный голой рукой пробить кирпичную стену, и убоился каких-то хулиганов? Да и Ежов на бицепсы не жаловался – все-таки трижды в неделю железно посещал качалку...

Сейчас Михаилу тридцать четыре года – самый расцвет сил. В юности он тоже занимался штангой, но не так успешно, как его школьный товарищ Сенька. Ну и что, что Перов учился в седьмом классе, когда Ежов только пошел в первый? Они ведь еще и жили по соседству. И тогда, и теперь.

Михаил трудился на поприще частных детективных расследований, и вполне успешно справлялся – в основном беспокоили ревнивые мужья с женами, да бизнесмены, собирающие о ком-то информацию. Сколько-то раз приходилось отыскивать пропавших и даже расследовать несколько краж.

В общем, смерть от усталости не грозила.

Ежов жил в славном городе Тверь, пользовался большим авторитетом среди друзей и знакомых и был вполне доволен жизнью. На внешность тоже не жаловался – сто девяносто восемь сантиметров роста, мышцы самую малость уступают великану Перову, светло-русые волосы, небольшие усы и типично арийское лицо, только глаза зеленые.

Рядом скрипнули тормоза новенькой «Нивы». Оттуда высунулась коротко стриженная голова с крохотным носиком, утопающим в пышных щеках.

– Здравствуйте, Семен Андреевич, – густым басом сказала голова. – Подумали?

– Подумал, – коротко ответил Семен, не сбавляя шага. – Не хочу.

– Вы не торопитесь, Семен Андреевич, подумайте еще, я ведь вас не подгоняю, – мягко, но очень настойчиво попросил человек. – Не надо отказываться так сразу – мало ли что может случиться...

– Ничего не случится, – хмуро ответил бывший штангист. – Виктор Борисович, пожалуйста, не присылайте больше своих шестерок...

– ...а приходите сами? – закончил Третьяков. – Ну что вы, Семен Андреевич, разве же мне с вами управиться? Но над моим предложением подумайте еще, хорошо? День, два, три... больше, пожалуй, не стоит. Три дня у вас, Семен Андреевич, на раздумья, а потом, уж не серчайте, буду принимать меры... Поехали, – приказал он, закрывая окно.

Семен с Михаилом пару минут стояли молча, провожая взглядами удаляющуюся машину. Раньше этот квартал держал некто Иванихин, и с ним у Перова были хорошие отношения. Он и сам регулярно заходил к нему в качалку, и вполне удовлетворялся небольшими ежемесячными взносами «на охрану дверей». Но в прошлом месяце ему на смену пришел Третьяков – куда более жадный мужик. Этот в первый же день повысил «налог» раз в десять, заявив, что с такой прибыльной точки просто грех брать столько, сколько брал Иванихин.

Семен платить отказался. Его тренажерный зал вовсе не был прибыльной точкой, как утверждал Третьяков. На самом деле он еле-еле выходил на самоокупаемость – Перов держал его не ради денег, а ради искусства. Любил он культуризм – самозабвенно любил и посвящал увлечению все свое время. Даже тренажеры чинил сам, даже блины для штанг выплавлял сам в «карманном» литейном цеху. По сути дела, он вообще был единственным служащим в «Витязе».

Если бы Перов согласился на такое увеличение ежемесячных отчислений, то остался бы у разбитого корыта. Поэтому он мягко предложил Третьякову умерить аппетиты, иначе-де ему, Перову, будет выгоднее закрыть заведение, чем работать себе в убыток.

Но закрывать, мол, он в любом случае ничего не будет.

Третьяков аппетиты не умерил. Он был упрямым человеком и отступить не хотел. Более того – он дважды присылал своих ребят потолковать с несговорчивым штангистом.

Первый оказался умным и не стал нарываться. Второй пришел в компании четверых гопников с гаечными ключами, но неверно выбрал время для столь важного визита, заявившись в самый разгар дня, когда в зале присутствовал не только сам Перов, но и дюжина клиентов, в том числе и Ежов.

Клиенты обрадовались возможности потренироваться на живых грушах...

Теперь у Семена было паршивое настроение – Третьяков вполне мог пойти на принцип и просто спалить его качалку. Прецеденты были – раньше Виктор Борисович держал несколько улиц по соседству, и там от него все стонали. Теперь этот авторитет заматерел, поглотил новую территорию, и стоны только усилились. Куда подевался Иванихин, никто не интересовался, но что он ушел не сам, было ясно без слов.

– Слушай, может, помочь чем? – предложил Михаил. – У меня в ментуре осталась парочка знакомых – прижмем гада?

– Не надо, – отказался Перов. – Прости, Мишань, но я уж сам как-нибудь... Не люблю я ментов.

– Как знаешь. Но учти: если вздумаешь бузить – я с тобой! – заявил Ежов. – Может, контору мою подключим?

– Контору! – развеселился бывший штангист. – Ну, Мишань, это уже мания величия: вся твоя контора – ты сам! Ты б хоть секретаршу, что ль, нанял... Для солидности.

– Да пока сам справляюсь, – пожал плечами Ежов. – Ты что, Андреич, не доверяешь? Я тебе скидку сделаю.

– Ладно, ладно, если сожгут, найму тебя, – мрачно хохотнул Перов, входя в подъезд.

Ежов махнул ему на прощание и двинулся дальше – он жил в соседнем доме.

Через пару минут Михаил завернул за угол и удивленно остановился. Ему показалось, что кто-то поставил на дороге большое зеркало. Потом он понял, что ошибается, и это вовсе не отражение – у человека за стеклом была точно такая же фигура и прическа, но лицо немного отличалось – волосы чуть потемнее, усы чуть подлиннее, глаза немного поуже, нос поменьше, подбородок подлиннее. Всего по чуть-чуть, но в итоге разница становилась вполне различимой. К тому же Ежову показалось, что у этого парня азиатские корни – было в нем что-то такое... японское, что ли?

Хотя сходство все равно сохранялось, и немалое.

А вот одежда совершенно не такая – вместо потрепанной кожанки Ежова «отражение» носило красно-зеленый костюм необычного покроя. Своеобразный комбинезон – верх темно-красный, низ темно-зеленый. Посередине перетянут черным ремнем. На ногах высокие черные сапоги, доходящие до колен, плечи украшены чем-то вроде погон необычного пошива, а на бедрах висят два предмета: несомненный пистолет, только нестандартной модели, и что-то вроде тонкого меча. Военная форма, не иначе. Голову украшает оригинальная «диадема» – две каплеобразных хреновины, закрепленные на висках. Судя по отдельным деталям – что-то техническое, а не просто украшение.

– Братан, ты кто? – недоуменно спросил Михаил. – Елы-палы...

– Царрато деках и змея, последни коллек три джаз и шест – невермор див клиар жира, – выдал длинную фразу незнакомец. Язык был непонятным, но отдельные слова, несомненно, русские, только искаженные и в необычном сочетании.

– Э, мужик, ты это... – опасливо отступил на шаг Ежов. – Ду ю спик англиш?

– Тун пророк стра и спа? – удивленно моргнуло «отражение». – СОП ле педиран ковет ла лабефо, коу хак?

Михаил офигел еще сильнее. Последняя фраза напоминала английский... очень-очень отдаленно. Так отдаленно, что дальше просто некуда.

Ничем она его не напоминала, честно говоря.

– Шпрехен зи дойч? – рискнул Ежов.

– Достал стар ми! – облегченно хлопнул себя по лбу незнакомец. – Бундес каф шрейб вернс ау эрбе? Уакиут... Поссе бишпрехен и алт сафзер, оффен тличсерс эйн эй!

– Только не говори, что это немецкий – это не немецкий! – возмутился Михаил. – Похоже, но... Чешский больше похож на русский! О, кстати... м-м-м... Ще пива? Двежесе завирани? Э-э-э, прости, братан, больше по-чешски ничего не знаю, я там был всего пару дней...

– Тубо стар ари шерафман – двенадцать шанар мисинг! – возмутился человек. – Дурак!

– Сам дурак! – машинально откликнулся Ежов.

Незнакомец некоторое время вдумчиво изучал Михаила, а потом начал опускать руку к своей сабле. Ежову это, конечно, не понравилось. Он сжал кулаки, встал в боксерскую стойку и громко заявил:

– Эй, мужик, не балуй! Сейчас как заряду в ухо, улетишь!

Мужик прищурился, немного подумал, а потом встал в такую же стойку. Они некоторое время стояли неподвижно друг напротив друга, и оба размышляли, что делать дальше.

Незнакомец принял решение первым. Он протянул руку в хорошо всем известном жесте и произнес:

– Рука на грим!

– А, ну вот это я понимаю, – успокоился Ежов, протягивая руку в ответ.

Ни тот, ни другой не обратил внимания, что их разделяло нечто вроде дымки, какая бывает в сильно нагретом воздухе. Ни тот, ни другой не обратил внимания, что они явно находятся в разных местах – Ежов по-прежнему на улице ночной Твери, а незнакомец – в какой-то комнате. Они просто пожали друг другу руки... и мгновенно об этом пожалели.

У Михаила в глазах потемнело. Все тело пронизала острая боль, как будто его проткнули тысячью острейших иголок. Показалось, что земля и небо стремительно меняются местами. Ладонь еще какой-то миг ощущала твердое рукопожатие, а потом вновь опустела.

И все исчезло.

Через несколько секунд он рискнул открыть глаза. И загрузил, что не оставил их закрытыми – вокруг уже не было привычной с детства тихой улочки. Нет, теперь он находился в той самой комнате, в которой до этого стоял странный незнакомец...

Ежов с трудом поднялся на ноги. В голове шумело, как после хорошей пьянки. На виски что-то давило – он поднял руку и с удивлением обнаружил, что на нем надеты те самые фиговины, которые были на том парне, которому он так неосторожно пожал руку. Опустил глаза – так и есть, кто-то передел его в тот самый костюм. Пистолет, меч...

– Вот это ни хрена себе... – присвистнул Михаил, почесывая в затылке. – Елы-палы...

Он с интересом осмотрел пистолет... хотя нет, никакой это не пистолет. Удлиненный, со спиралеобразным дулом, оранжево-красным кристаллом в основании рукояти и без курка. Вместо курка – небольшое розоватое пятнышко, испещренное крохотными точками.

Меч оказался еще интереснее – лезвие покрыто какими-то пятнами и переливается, словно сделано из воды. Рукоять – трубка с несколькими кнопками и ромбовидным камушком в основании. Либо рубин, либо очень красивая стекляшка.

– Думай, Ежов, думай, сыщик хренов... – приказал Михаил сам себе. – Я не сплю – это точно. Я не пьян – это точно. По пьяни мне зеленые черти являются... Может, глюки? А с чего вдруг?

Он внимательно осмотрел место, в которое попал. Просторная комната прямоугольной формы. Застеленная тахта, покрытая бледно-зеленой клеенкой. Намертво приделана к полу. Какой-то прибор, вмонтированный в стену. Еще один, но уже в потолке. Переливающийся экран возле кровати. Металлический шкаф, запертый на кодовый замок. Письменный стол из необычного материала, похожего на керамзит. На столе статуэтка – крохотный слоник с двумя хоботами. Хотя нет, не статуэтка – чучело. Вместо стульев – цилиндрические табуретки, похо-

жие на пожарные гидранты. Еще какие-то непонятные предметы... И вся мебель без исключения прикреплена к полу или стенам.

Михаил взял со стола высокую колбу, наполненную чем-то зеленоватым, и понюхал. Пахло очень приятно. Он немного подумал, а потом рискнул отхлебнуть. На вкус тоже было очень приятно – как подслащенный березовый сок.

Выпив все до капли, он попробовал открыть ящики стола, но безуспешно – ручек у них не было, их заменяли небольшие цветные выпуклости. Нажатие на них ни к чему не привело. Шкаф открыть тоже не удалось – кода Ежов, конечно же, не знал. К неизвестным приборам он не стал даже подходить – кто его знает, что это такое... А вдруг нажмешь не ту кнопку, а оттуда автоматная очередь?

Попытка разобраться со странным прибором на висках опять-таки закончилась ничем – как бы эта штука ни действовала, обычного среднего образования для нее не хватало. Университетов Михаил не заканчивал – только специальные детективные курсы, да и те заочно.

В одной из стен обнаружилась дверь. Скорее всего, дверь – она полностью сливалась со стеной, только окрашена была в другой цвет. Ни ручки, ни кнопки какой – просто светло-серый участок стены. Ежов ковырялся битых пять минут, но дверь упорно не желала открываться.

– Елы-палы, ну что за... – скрипнул зубами Михаил, усаживаясь на кровать. – Хоть бы объяснил кто, куда я вляпался...

Он посмотрел на экранчик в стене, поскреб его пальцем, и тот внезапно засветился! Ежов даже пригнулся от неожиданности, но тут же сообразил, что это просто включился телевизор, и выпрямился.

На экране появилось лицо какой-то женщины. Очень красивое лицо – точеный подбородок, тонкий нос, длинные ресницы. Глаза необычные – ярко-желтые. И волосы необычные – раскрашенные красным и зеленым, стоящие дыбом. Да еще множество татуировок в виде арабской вязи, пересекающей лоб, переносицу и щеки крест-накрест. Женщина бросила короткий взгляд в сторону Михаила, нажала что-то у себя, и экран погас.

Через несколько секунд дверь открылась. Отъехала в сторону, как в лифте. На пороге появилась эта самая женщина – она оказалась еще и чрезвычайно высокой, лишь чуть ниже двухметрового Михаила. Одежда – облегающий черный латекс, черные сапоги на высоких каблуках, черные перчатки. Глаза успела прикрыть темными очками. Для полного комплекта не хватает только хлыста... хотя его успешно заменяют два пистолета на бедрах. Пистолеты поменьше, чем тот, что достался Михаилу, и более тонкие, но безобидными отнюдь не выглядят.

– Вызывал, капитан? – хмуро осведомилась дама. А потом ее глаза резко округлились – она разглядела лицо Михаила как следует. – Ты кто такой, ублодок?!

– Эй, мадамочка, остыньте! – опешил Ежов, ужасно радуясь, что тетка говорит по-русски. – Сейчас все выясним!

– Ты. Кто. Такой?! – прорычала женщина, подходя все ближе и ближе. – Где капитан?! И почему на тебе его одежда?!

– Мадамочка, не психуйте! – возмутился Михаил, невольно отступая назад. – Слушайте, я обычно не бью женщин, но это же не значит...

Глаза женщины расширились еще сильнее. Она что-то прошипела, и буквально прыгнула на Михаила. В другое время он бы и не возражал, но только не сейчас! Он рефлекторно выставил блок и попытался схватить эту тигрицу, только помягче, чтобы случайно не покалечить. Все-таки Михаил мог завязывать гвозди узлами...

Только все его усилия ушли впустую. Разъяренная женщина даже не попыталась применить свои пушки – она просто смяла Ежова! Он банально не успевал ничего сделать – казалось, что она окружила его со всех сторон! Ему разбили губу, врезали в пах, а потом швырнули на

пол, заломили руки за спину и начали безжалостно бить ногами в спину. Каблуки у женщины оказались очень острыми...

– Какой позор! – обиженно простонал Михаил, даже не пытаясь подняться и только морщась от боли. Пах он инстинктивно прикрывал – второй такой удар получать не хотелось. – Меня избил женщина!

– Я еще только начала! – снова пнула его в бок тетка. – Признавайся, ублюдок, где капитан?!

– Это такой... с усами? – догадался он, для наглядности касаясь собственных усов. – На японца немного смахивает?

– Что смахивает? – подозрительно прищурилась женщина, делая небольшую паузу в лупцевании. – Что и куда он смахивает, ублюдок?! Говори! Говори! Говори, я сказала!

– Можно я сначала встану? – попросил Ежов.

– Лежать! – впечатался ему в спину острый каблучок. – Встанешь, когда я прикажу! А ну, вставай!

В который раз удивляясь женской логике, Михаил медленно поднялся на ноги. Ему в нос смотрело дуло одного из пистолетов. Женщина быстро обшмонала его свободной рукой, конфисковала все, кроме самой одежды, и для профилактики врезала кулаком в живот. Впрочем, дралась-то она здорово, но в мускулатуре порядком уступала Ежову – удара он почти не почувствовал. Не зря пресс качал, пригодилось...

– Мадам, а как вас зовут? – с интересом осведомился он. – Ловко вы меня... Джиуджитсу? Или тьк... тьквондо?

– Вопросы здесь задаю я! – прорычала безымянная мадам, машинально дубася его в грудь свободной рукой. – Кто ты такой?!

– Лейтенант Ежов! – выпрямился во весь рост Михаил, невольно вспомнив службу в армии. Подполковник Желтухин разорвался точно так же, как эта злючка. – Михаил Петрович. А вы?..

– Имперец? – подозрительно уставилась на него дама. – Только еще одного имперца мне не хватало... Так, стой смирно, и не смей двигаться! Сделаешь шаг, и я тебя продырявлю, ублюдок!

Она отступила к экрану на стене и быстро коснулась нескольких сенсоров. Что-то тихо произнесла, наклонившись почти вплотную, и уселась на тахту, не спуская глаз с Михаила.

Через несколько минут в дверь начали заходить люди... если можно так выразиться. Один, два, три... одиннадцать. Считая вместе с этой чокнутой – двенадцать. С каждым следующим входящим в комнату глаза Ежова расширялись все сильнее и сильнее. Он протер их, поморгал, но ничего не изменилось.

– Скажите, что на вас маски! – взмолился он. – Ну пожалуйста, скажите! Елы-палы...

– Какие еще маски? – удивился один из них. – Зачем?

Второй начал странным образом переливаться, демонстрируя очень красивые узоры, время от времени перемежающиеся разноцветными геометрическими фигурами.

– Действительно, зачем нам еще какие-то маски? – печально спросил третий. – Мы все такие уродливые... А существует ли в мире хоть что-то красивое? Все тщета, все бессмысленно... Вот и капитан куда-то пропал. Ты не знаешь, куда?

– Хороший вопрос, – прозвенела четвертая. – У тебя странные мысли... кто ты? На каком языке ты думаешь?

Михаил их не слушал. Он остолбенело переводил взгляд с одного на другого, с одного на другого, от души надеясь, что все это ему снится...

Женщина, которая взяла его в плен, выглядела необычно. По-своему привлекательно, но необычно. Однако по сравнению со своими друзьями она оказалась просто образцом тусклости и серости.

Шар размером с два человеческих кулака, сделанный из необычного, почти черного металла. В передней части – поблескивающая впадина, похожая на окуляр. Висит в воздухе на высоте человеческого роста.

Невысокий горбоносый старик с ослепительной плешью на полголовы и аккуратной седьмой, прикрывающей затылок. Старательно расчесанные седые усы и небольшая бородка, сквозь которые видна хитренькая улыбочка. Одет в серо-черный костюм, опирается на причудливо изогнутую металлическую трость, украшенную кучей странных хреновин.

Мужик среднего роста с темно-красной кожей, покрытой шишками и пупырышками, похожими на жабы бородавки. Рот странным образом перекошен, как будто он так долго тренировался корчить рожи, что навеки застыл в одной позе. Волосы растут только по бокам головы – в центре словно бы выбритая полоса. Своего рода «ирокез» наоборот. Одежды мало – только штаны до колен, да безрукавка. И еще сандалии на толстых подошвах.

Существо, похожее на помесь человека и ящерицы – фигура человеческая, но морда игуаны, покрыт ярко-зеленой чешуей, на пальцах когти. Хорошо хоть, хвоста нет... Одет в темно-зеленый костюм, похожий на облегченный скафандр. Смотрит очень недобро – в глазах ничего, кроме презрения ко всему сущему.

Удивительное существо, похожее на медузу. Ярко-сиреневую медузу ризосому (Ежов любил документальные фильмы о морских животных), только почти ромбовидную, со жгутиками-кристаллами. Ростом со среднего человека, висит прямо в воздухе, очень медленно вращаясь вокруг своей оси.

Робот. Четыре тонких руки, ужасно худой – по сути, просто металлический скелет. Голова похожа на человечью, но вместо глаз узкий экран, а вместо рта – что-то вроде динамика. На макушке нечто, очень похожее на автомобильную фару. Пальцев на руках не по пять, а где-то по двадцать – тончайшие извивающиеся шнуры, явно способные на самую тонкую работу.

Еще одно нечеловеческое создание. Ростом выше человека, но ненамного. Голова, как у кальмара: стреловидная, с шестью круглыми черными глазками. Рот – узкая трубка-хоботок в нижней части, облачен в красный поблескивающий балахон с заостренным капюшоном. Вместо рук щупальца, раздваивающиеся примерно посередине. Вместо ног тоже щупальца, но не два, а три, с подушкообразными стопами. Несмотря на явное отсутствие скелета, стоит прямо.

Человек... скорее всего, человек. Огромного роста – два с половиной метра. Из одежды только коротенькие шорты, кажущиеся на нем купальными трусиками. Много мускулов. Очень много. Так много, что могучий Михаил показался себе жалким хлюпиком. Руки похожи на дубовые стволы, весит по меньшей мере полтонны, голова небольшая, вдавленная в плечи. Волос нет совсем – только жиденькие брови.

Невысокая кряжистая фигура, формой похожая на сплюснутую брюкву. Одежды нет вообще – ее заменяют роговые пластины, покрывающие все тело, как у броненосца. Шкура мятно-оранжевого цвета, ноги короткие и кривые, рук целых восемь, из них две огромные, растущие из плеч, и шесть небольшие и тонкие, торчащие из боков. Большие руки оканчиваются чем-то вроде бивней, тонкие – крохотными отверстиями, покрытыми чем-то липким. Голову закрывает природный роговой шлем, из-под которого едва виднеются раскосые тигриные глаза. Из пасти торчат четыре острых изогнутых клыка.

Худенькая девушка небольшого роста. Упакована в серебристо-белую ткань, плотно облегающую все тело, кроме очень бледного лица, к щиколоткам крепятся какие-то приборы, похожие на гипсовые нащепки. Глаза закрыты белой повязкой из мягкой ткани, из ноздрей выходят трубки, идущие куда-то внутрь костюма, к горлу прикреплено что-то вроде серебристой пуговицы.

Метрового роста робот, имеющий форму правильного конуса. Днище плоское, но вполне успешно передвигается, причем не касаясь пола – между «ногами» и поверхностью остается

несколько миллиметров пустого пространства. Все «туловище» усеяно штуковинами, подозрительно напоминающими орудийные дула.

– Конечно, это бессмысленно, – сказал четверорукий робот, – но все же, как твое имя? Откуда ты взялся здесь, в гиперпространстве? И зачем ты вообще существуешь? Можешь ли ты ответить? И не хочешь ли ты покончить с этим тягостным существованием?

Ежов ничего не ответил. Он только пучил глаза, глядя на этот зверинец, и изо всех сил пытался понять – что за чертовщина здесь творится?

– Он мне не н'явится, – с аристократическим прононсом сообщил «кальмар». – Может быть, йазоб'ять его на донойские ойганы и п'юдать? Или п'юсто отп'явить в конвейтей на пейейяботку... Кто согласен?

– Ответ. Против, – очень тонким голосом ответил шарообразный робот.

– Да, в разобранном состоянии человек не способен говорить... Хотя стоит ли что-то делать? Все равно это все бессмысленно...

– Да отстрелить ему пару пальцев – живо заговорит! – прорычала припанкованная девица, между делом ударяя Михаила в скулу. Тот насупленно посмотрел на нее, проверяя языком целостность зубов во рту, но возражать не осмелился – в этой компании вооружены были почти все. – Фрида, поджарь ему мозги, посмотрим, что там у него!

– Джиночка, солнышко, не нужно так нервничать, – ласково заговорил старичок. – В конце концов связист здесь я, так и предоставьте работу профессионалу. Ну те-с, дружок, что мы тут имеем?

Дедушка улыбнулся очень доброй улыбкой и радушно усадил Михаила на ближайший стул – двигаться самостоятельно у него сейчас получалось плохо. Детектив чувствовал, что мозги у него уплывают в неизвестном направлении. Сзади встал человек-гора, легонько положив лопатообразные ладони ему на плечи. Ежову это напомнило допрос в Гестапо...

– А... я... – сделал над собой усилие он. – Вы кто, мужики?!

– Очень неправильный вопрос, – цокнул языком старичок. – Мы и так знаем, кто мы такие. А вот кто ты такой, дружок, нам еще только предстоит выяснить. Дельта, будь добр, принеси нашему гостю чего-нибудь попить, а то он что-то туговато соображает.

Четверорукий робот равнодушно нажал на что-то в стене, открыв небольшую нишу, до того остававшуюся незамеченной, и вытащил оттуда высокий цилиндрический стакан с бледно-желтым напитком. Подумав (если только роботы тоже думают), он вытащил еще несколько и роздал их всем присутствующим. Кстати, напитки всем достались разные.

– Совет. Перейдем к делу, – пискнул шарообразный робот.

– Как всегда прав, Ву, – согласился старик, с видом гурмана оценивая свой напиток. – Начнем с того, что представимся. Аарон Лазаревич Койфман, старпом, связист и первый стрелок этого судна. Твоя очередь, дружок.

– Михаил... Ежов, Михаил Петрович, – ошалело представился Михаил. – Мы что, на корабле?

– Корабль «Вурдалак». Звездолет третьего класса. Производство Империи. Пятый штапель.

– Спасибо, спасибо, Тайфун, – прервал работа, покрытого пушками, Койфман. – Именно так, дружок, это космический корабль «Вурдалак». А мы – его экипаж. Хотя и не совсем полный – на твоём месте сейчас должен быть капитан.

– Космический корабль?! – вконец одурел Ежов.

– В его разуме полное смятение, – прозвенела слепая девушка. – Он ничего не понимает. Он в шоке.

– А мне кашется, он над нами просто исдевается, – хмуро высказал свое мнение ящер. – Я согласен с Дшиной – прищечь ему пятки, шиво саговорит.

– Мабуть, я гирше йому вмажу в рыло? – глубоким басом предложил человек-гора. – Я из цего задохлыка усе вытрясу... Куды капитана подевав, гыдота дешевыя?!

Ежов ошарашенно моргал глазами. Его никогда в жизни не называли задохликом. Никто и никогда. Даже Перов, который был все же чуть крупнее. И однако он с глубокой обидой ощущал, что действительно выглядит маленьким и ничтожным по сравнению с этим великаном, говорящем на ломаном украинском.

Ему не было бы так обидно, окажись он тоже инопланетянином, как другие. В конце концов, слон тоже намного сильнее любого человека, но ведь это слон...

– Мишенька, дружок, постарайся прийти в себя и внятно ответить на несколько простых вопросов, – не прекращал улыбаться Койфман. Однако в его глазах начали поблескивать искорки недовольства. – Кто ты такой. Откуда ты взялся. И где наш капитан. Сделай это – и тебя оставят в покое. Даже бить не будут.

– Говорите сами за себя, ребе Аарон, – прорычала Джина, сверля Михаила злобными глазами. – Я его все равно покалечу. Нет – сначала изнасилую, а потом покалечу!

– Елы-палы!.. – отвалилась челюсть Ежова. Этим ему тоже раньше не угрожали.

– Вона така, розмолвит – розбачит, – радостно пробасил гигант. – Йии из десантуры за це и вышибли – за насылувание над командырством. Одынадцять чоловиков. Гарно, що я такий великий – вона зо мною сладыть не може...

– Замечание. Мы отвлекаемся, – пискнул робот с коротким именем VY-37.

– Человек мужского пола, – сообщил робот «Тайфун», все это время изучающий Ежова чем-то вроде коротенькой подзорной трубы, выдвинувшейся из его макушки. – Не капитан.

– Какое умное замечание! – фыркнула Джина. – А то мы без тебя не видим!

– П'йедлагаю наконец-то всем замолчать и выслушать, что нам таки имеет сказать этот индивидуум, – взмахнул щупальцами моллюскообразный инопланетянин.

На Ежова одновременно уставилось двадцать четыре глаза. Ну, если быть скрупулезно точным – двадцать. У огромной медузы, робота «Тайфун» и слепой девушки глаз не было совсем, а на двух других роботов приходилось только по одному глазу. Если, конечно, эти окуляры можно так назвать. Зато дефицит частично восполнял «кальмар» – у него глаз было целых шесть.

Михаил, насколько смог, собрался с мыслями и рассказал все, что только смог вспомнить.

– Из какого, говоришь, ты года? – подозрительно прищурилась Джина.

– Две тысячи пятого...

– Это по какой хронологии?

– Нашей эры... ну, от Рождества Христова.

– Моя знать года, – впервые подал голос низкорослый восьмирукый монстр, закованный в броню. – Моя считать года раз, два, три, получаться семь итого, так? Моя права, так?

– Правильно, Дитирон, – бесстрастно прозвенела слепая девушка. Похоже, за нее говорил тот самый прибор, что висел на горле – рта она не раскрывала. – Ты все верно сосчитал.

Медуза засветилась и по ее коже вновь пошли странные узоры.

– Моя не понимать, – удивился Дитирон. – Как так быть моги?

– Получается, что он из п'йошлого? – издал странный хлюпающий звук «кальмар».

– Тихо, дружочки мои, тише, пожалуйста, – улыбнулся Койфман. – Мишенька, дружок, сейчас не две тысячи пятый год. За иллюминатором семь тысяч сто двенадцатый... от все того же Рождества Христова. Или, если тебя это интересует, десять тысяч восемьсот семьдесят третий от Сотворения Мира.

– Пять тысяч сто сим рикив разницы, – хохотнул гигант. – От мы и прыйихалы, роспрягайте!

– Совет. Пусть говорит Койфман, – пискнул крохотный робот.

– Спасибо, Ву, – снова улыбнулся старичок. Он всегда улыбался. – Остапчик, малыш, мы все отдаем должное твоим арифметическим способностям, но они могут немного и подождать, как ты думаешь? Фридоочка, душенька, Мишенька ведь не привирает нам?

– В его голове нет лжи, – прозвенела слепая девушка. – Он верит в свои слова.

– Итак, у нас здесь пришелец из прошлого, – с явным трудом убрал улыбку с лица старик. – Ну что ж, ну что ж, теоретически это вполне возможно. Не так ли, Ву?

Шарообразный робот выстрелил каким-то тонким лучом, создавая что-то вроде голограммы. Там засветилась куча непонятных знаков.

– Что это? – моргнул Михаил.

Огромная медуза изобразила какие-то узоры:

– [*Красная спираль, желто-зеленые полосы, переливающиеся волны*].

– Смешная шутка, – печально согласился Дельта. – Очень остроумная. Если только что-то еще может вызывать смех в этом ужасном мире...

– Справка. Перемещение разумных объектов из прошлого было официально зарегистрировано сто сорок два раза, – монотонным голосом сказал VY-37. – В том числе отдельных чело-веков – пятьдесят четыре, групп – двадцать один, транспортных средств с людьми – восемь, нечеловеков – тридцать шесть, групп нечеловеков – четырнадцать, транспортных средств с нечеловеками – три, смешанных групп – четыре, транспорта со смешанными группами – один.

– Спасибо, спасибо, Ву, – торопливо поднял руку Койфман, прерывая поток белиберды. – Что ж, это ответ на первый и второй вопросы. Перед нами Михаил Ежов, гражданин России двадцать первого века, пока что невыясненным способом перенесшийся в будущее. А вот куда делся капитан – это неизвестно.

– Ну, если я здесь... значит он должен быть там! – предположил Ежов.

– Невозможно. Невозможно. Невозможно, – прогудел «Тайфун».

– Да, это так. Перемещение в прошлое противоречит логике. Все противоречит логике, но это особенно сильно...

– Почему? – удивился Михаил. – Вот же он я – стою перед вами!

– [*Белая дуга, желтые круги, очень много бледно-красных треугольников*].

– Он прав, – сирым, даже каким-то... вкрадчивым голосом сказал шишковатый человек – единственный здесь, кто до сих пор сохранял молчание. – Путешествовать в будущее сравнительно легко. Путешествовать в прошлое совершенно невозможно. Это закон Лейбеля. Прошлого уже нет, как ты туда попадешь? Машину времени пробовали построить сотни раз, сотни цивилизаций, но всякий раз безрезультатно. Путешествия во времени – нонсенс. Безумный бред. Заявляю со всем авторитетом, как один из лучших физиков Муспелля.

– Большое спасибо за справку, дорогой Рудольф, – поблагодарил его Койфман, с опаской поглядывая на самозваного лектора, начавшего как-то странно подергиваться. – Он ответил на твой вопрос, Мишенька?

– Но я же здесь... – упавшим голосом настаивал Ежов, до которого внезапно дошло, что вернуться домой не удастся. Если само существование машины времени так резко отрицается – как он попадет домой, в двадцать первый век? – Семьдесят второй век... Елы-палы...

– Откуда он знает языка? – вдруг насторожился Дитирон. – Моя учительница знает много языков, но правильна так и не умеет говорить. Почему он быстро знает?

– А потрибно спытать! – согласился Остап. – Общечеловеческий почынался... я не помню, но давно. Як же вин говорит по-нашому без перекладача?

– По-вашему?! – возмутился Михаил. – По-моему, это вы все говорите по-русски... хотя некоторые коряво.

– Справка. Именно так и должно быть, – изрек VY-37.

Все вежливо подождали продолжения, но маленький робот хранил молчание. Однако ему, похоже, решили поверить на слово – все привыкли, что VY-37 никогда не ошибается.

– Пора выходить из гиперера, – неожиданно изрекла Фрида. – Если опоздаем, то промахаемся мимо Деметры.

– [*Разноцветные пятна, красно-желто-белая клякса, розовая полоса*], – стремительно вылетел наружу Сиреневый Бархат.

Остальные тоже устремились куда-то по своим делам. Последней вышла Джина, напоследок смерив Михаила предельно угрожающим взглядом. С ним остались только VY-37, «Тайфун» и, конечно, добренький дедушка Аарон.

– Ну что же, Мишенька, давайте побеседуем с вами наедине, – улыбнулся Койфман. – Вы ведь не возражаете? Понимаете, мне все-таки очень любопытно, куда же это запропастился наш дорогой капитан...

Глава 2

Святослав Степанович Моручи тем временем бился на больничной койке, пытаясь стряхнуть с себя смирительную рубашку.

– Я капитан звездолета «Вурдалак»! – рычал он. – Я дворянин Империи! Я требую вызвать имперского посла! Или хотя бы сообщите на галактосскую базу! Немедленно развяжите меня и верните оружие, я требую! Если среди вас есть лица благородной крови, я вызываю вас на дуэль! Всех разом, сколько бы вас ни было! По очереди или одновременно!

– Необычный бред, я раньше такого не слышала, – поджала губы пожилая женщина в докторском халате. – Валерий Игнатьевич, как ваше мнение?

– Вы говорите на имперском, вы носите имперские имена – как вы можете не быть имперцами?! – возмущенно закричал Святослав.

– Натуральный псих, – скучающе почесал шею молодой лейтенант милиции, который его сюда доставил. – Причем трезвый. Мы его даже в участок везти не стали – сразу к вам. Смотрим – прет по проезжей части этакий амбал и орет какую-то [цензура]...

– Аркадий, здесь же дамы! – возмутился врач.

– А чего я такого сказал? – удивился милиционер. – Мы сначала решили – пьяный или обколотый, но вот фигу... Ну и вот – скрутили мы его, да и привезли к вам. Хорошо, что не сопротивлялся, а то б мы такого бугая и не осилили... Э, доктор, а у него в карманах ничего нету? Что он там про оружие вопил? Вы одежду его пока не унесли?

– Вот, пожалуйста, – поднял костюм врач. Если бы здесь сейчас был Михаил, он сразу бы узнал свою кожанку.

– Кошелек, паспорт, ключи от квартиры, ручка, полиэтиленовый пакет, немножко мелочи... – просмотрел вещи лейтенант. – Оружия нет. Денег в кошельке... две тысячи триста. Небогато... хотя и небедно. Паспорт на имя Михаила Петровича Ежова... только вот лицо на фотографии вроде как другое... хотя похож, похож... А вас как зовут, товарищ псих?

– Святослав Моручи! – гордо, насколько это можно сделать в смирительной рубашке, подбоченился Святослав.

– Не совпадает, – развел руками милиционер. – Тут явно русский, а вы, товарищ... казах, что ли? Или кореец? Фамилия у вас какая-то...

– Я имперец! – гневно крикнул капитан «Вурдалака». – Дайте мне хоть саблю, хоть кинжал, хоть эспантон, хоть боевой серп – и я от тебя мокрого места не оставлю!

– Аркаш, сейчас в мире только одна империя осталась, – подергал милиционера за рукав врач. – Япония. Их императора Акихито зовут, кажется...

– А, ну так бы сразу и говорили! – обрадовался лейтенант Аркадий. – Мать моя женщина, что ж вы мне столько времени мозги [цензура]?!

– Аркадий!

– Все, все, прошу прощения, – прижал ладонь ко рту милиционер. – Японец, значит? Ну правильно, и фамилия японская. Хотя несет все равно какую-то ху... ой, дико пардонирую, Валерий Игнатьевич. Светлана Васильевна, может, вы выйдете? А то я при вас нормально говорить не могу!

– Святослав Степанович, успокойтесь и давайте попробуем все выяснить, – присел на кровать доктор. – Как называется ваша империя?

– Империя! – ожесточенно выплюнул Моручи.

– Но должно же у нее быть какое-то название, – как маленькому, стал объяснять врач. – Ну а как, к примеру, называется столица?

– Столичная планета – Сварог. А город – Нео-Хоккайдо.

– Ну ничего, не переживайте, мы вас вылечим, – вздохнул врач. – Светлана Васильевна, запишите – считает себя инопланетянином. Бывает сплошь и рядом – у нас и сейчас трое таких сидят.

– Что это за примитивная планета? – простонал Святослав, дико вращая глазами. – Почему если я инопланетянин, то сумасшедший?!

– Доктор, а он не прикидывается? – неожиданно заподозрил неладное милиционер. – С чего это у него вдруг чужой паспорт на кармане? Вдруг дурика нам гонит?

– Да нет, не похоже... – задумался врач. – Да вы не волнуйтесь, Аркадий, мы таких симулянтов в момент раскалываем – если что не так, я вам тут же звякну.

– Договорились, – кивнул Аркадий. – А вещи я с собой заберу – вещдоки. Надо этого Ежова пробить – может, обокрали? Кстати, я о нем, кажется, что-то слышал... ну да, точно, он же сыщик частный! Ничего так мужик, путевый... У нас в ментовке когда-то служил, на соседнем участке.

– Думаете, это он у него украл? – погладил подбородок доктор. – А где тогда сам Ежов?

– Выясним, – пообещал лейтенант, глядя на фотографию в паспорте. – М-да, а лица у них все-таки здорово похожи... Тут немного добавить, там немного убавить, и будет прямо близнец... Ну, товарищ псих, готовьтесь. Если выясним, что никакой вы не псих, а просто [цензура] нам мозги, пойдете под суд, как миленький... Капитан Ломакин жуть до чего не любит всяких симуляторов...

– Симулянтов, – автоматически поправила Светлана Васильевна.

– И их тоже, – проявил покладистость Аркадий. – Ну все, доктор, пойду я, меня уже ждут там... Если что – звоните.

– И вы позвоните, если о пациенте что-нибудь узнаете, – попросил врач. – Знаете, проще лечить, когда не вслепую. А то мы только его имя знаем, да и то...

– ...может, врет, – закончил за него лейтенант. – Позвоню обязательно.

– Доктор, что это за планета? – тоскливо спросил Святослав, когда милиционер покинул палату.

– Это Земля, Славик, Земля, – ласково погладила его по голове врачиха. – Ты не волнуйся, скоро прилетит ракета и отвезет тебя на твой Марс...

– Хватит надо мной издеваться! – вспылил Моручи. – Какая еще Земля?! Старая?

– Единственная... – вздохнула Светлана Васильевна. – Ты в России, в городе Тверь, сегодня двенадцатое мая...

– Уже тринадцатое, – взглянул на часы доктор. – Час ночи. Между прочим, отбой был уже давным-давно, а мы тут колобродим, пациентов будим... Ну-ка, быстро спать всем! Быстренько, быстренько!

Врачи покинули палату, погасив свет, и Святослав остался один. Хотя не совсем один – все-таки положили его в общую, и кроме него здесь было еще целых семь ненормальных. Двое – тоже в смиренных рубашках, остальные так.

Как только шаги докторов окончательно затихли, с соседней койки прыгнул плюгавый мужичонка с узким лицом и хитроватыми глазками. На вид лет сорок, нервные вихры, торчащие в разные стороны, трехдневная щетина на правой щеке (левая совершенно гладкая), очень тонкие пальцы, постоянно шевелящиеся, как щупальца осьминога.

Он уселся рядом с Моручи, посмотрел ему в глаза и спросил:

– Слышь, Степаныч, а у тебя правда кукушка уехала, или ты косишь?

– Я нормальный, – огрызнулся Святослав. – Только вот как это доказать? Ну что я за дурак – пять лет в Академии Разведчика, и так глупо маздануться! Сразу должен был понять, что это не серав!

– Вот это последнее я не понял, – глубокомысленно заметил мужичок. – Жалко, блин, я-то думал, будет с кем побакланить. Я тут единственный без кукушки – от ментов прячусь...

Два месяца уже. Сам понимаешь, лучше тут, чем на нарах. Меня Колькой зовут, не слышал? Колька-Хорек?

– Не слышал.

– Денисов, Николай Николаич, очень приятно, блин, – пожал сам себе руку Колька-Хорек. Святослав посмотрел на него с подозрением и слегка отодвинулся. – Я тут делаю вид, что думаю, что я как будто бы из стекла. Проще, чем ларек обокрасть: как кто близко подходит, так я сразу говорю: «Осторожно, не разбейте». И все – врачи тупые, не всасывают ни хрена. Нету здесь своего Титанушкина. А ты у нас, значит, марсианин?

– Я со Сварога, – мрачно буркнул Святослав.

– Ну я и говорю, марсианин, – кивнул Денисов. – Тут жить, вообще, можно – хавчик так себе, повара козлы, но к нам тут одна благотворительница ходить любит. Жена одного магната, нефтяника. Дура душой, и на рожу чисто корова. Зато бананы таскает на халяву. А вот дочка ейная – самый смак, я бы ей так вжарил, блин... Только она за ней следит, как Зюган за партбилетом, курица... А через пару недель выборы будут... куда-то там. В общем, тоже что-нибудь обломится, думаю. Под выборы всегда благотворительность прет, как из параша.

– Николай, ты кто по национальности? – совершенно не слушая, что он там бормочет, спросил Моручи.

– Русский, кто же еще? – пожал плечами Денисов. – Коренной тверяк... или тверец? Не, тверчанин – вот так правильно! А ты откуда? Ну, если только по натуре, без кукушки?

– Имперец... – вздохнул Моручи.

– Да, кукушку надо лечить, – глубокомысленно покивал Николай. – Никогда не угадаешь, в какой момент клюнет.

– Ничего не понимаю, – все сильнее мрачнел Святослав. – Какая еще Россия? Ну какая может быть Россия, если ее нет давно! Откуда она вдруг взялась?!

– Э, Степаныч, ты так не говори, – обиделся Денисов. – Как это – России нет?! Ну е-мое! А это че тогда – хрен собачий? Ты хоть и с кукушкой, а Родину не трожь, е-мое! Россия, блин, уже тыщу лет стоит, и еще столько простоит!

– Россия стала частью Единой Земли еще в 2975 году, – терпеливо объяснил Моручи. – Через сто лет после основания Империи. Историю учить надо, софтер!

– Хе-хе! Хе-хе-хе! – развеселился Николай. – Ну, блин, Степаныч, так ты у нас не просто марсианин? Ты еще и из будущего? Это у тебя перебор, так нельзя. Спалишься. Выбери что-нибудь одно уж.

– Как из бу... Какой сейчас год?!

– Вчера был две тысячи пятый, – задумчиво поглядел в потолок Денисов. – А какой сегодня... да тот же самый, наверное. Чего б ему меняться-то вдруг, а? Ты как думаешь?

– Сейчас семь тысяч сто двенадцатый! – возмутился Святослав. – Должен быть...

– А, ну это ты глубоко провалился, – посочувствовал ему Николай. – Ну ты, Степаныч, не переживай, кукушку тебе подлечат...

Моручи замолчал и мрачно уставился в потолок. Денисов некоторое время смотрел на него, а потом предложил:

– Хошь, развяжу? Только ты не буйствуй сильно, а то мне за тебя всыпят...

Святослав молча повернулся к нему спиной, протягивая руки. Николай деловито распутал узлы, и хлопнул пришельца по могучей спине:

– Готово, Степаныч, как новенький! А ты не переживай – подлечишься, и все нормально у тебя будет. Хошь, я тебя охранником в ювелирку устрою? У меня там братан двоюродный директорствует. Во такой мужик – это он меня от тюрьги отмазал!

– Да какая еще ювелирка?! – схватился за голову Моручи. – У меня там корабль, экипаж, а я здесь! У меня ценный груз – мне срочно нужно на Деметру!

– А че за груз? – заинтересовался Денисов.

- Лекарства. Редкие. Ценные.
- «Белый», что ли? – прищурился Николай. – А на хрен тебе на Деметру – «белый» и тут неплохо расходится... У тебя его много?.. или это опять кукушка?
- Мориалин, хатара осто лауака! – застонал Моручи. – Ничего не понимаю – как я могу быть в прошлом?! Это же закон Лейбеля... Во имя Аллаха, как?!
- Ты еще и мусульманин, что ли? – зевнул Николай. – А кто такой Лейбель? Лейбница знаю, а Лейбеля нет. Ты на рожу мою не смотри – у меня почти половинка высшего за плечами. Думаешь, так легко психом прикидываться? Не, Степаныч, тут целая наука, блин...
- Все имперцы – мусульмане, – хмуро ответил Святослав. – Мусульмане-хеббриды. Лаллаха-илла-алла!
- А это че за хрень такая?
- Сейчас как засвечу в глаз, так узнаешь, что за хрень, – буркнул Моручи.
- Извините, ваше высочество, мы люди темные, необразованные, – издевательски поклонился Денисов. – Давай-давай, блин, свети, живо опять в рубашку закатают! Я тут, понимаешь, его развязываю, а он, как последняя падла, меня за всякую хрень бить собирается! У тебя, блин, совесть есть?!
- Извини, – протянул руку Святослав. – Руку на дружбу!
- Идет! – пожал ему руку Николай. – Ты, Степаныч, хоть и с кукушкой, а мужик правильный! А правда – че это за хергиды такие?
- Хеббриды! Основные положения, как у суннитов, но жену можно иметь только одну, салат необязателен, а хадж... ну, хадж все отменили...
- Насчет жены я понял. А салат тут при чем? – наморщил лоб Денисов. – Я думал, вы только свинину не жрете?
- Салат – это ежедневное пятикратное совершение молитвы, – терпеливо объяснил Святослав. – Нам, хеббридам, это не обязательно – мы считаем, что Аллах нас и так слышит, без стуканья башкой в пол.
- А хадж-то че отменили, блин? Мекку, что ль, взорвали? – хихикнул действительно довольно начитанный Денисов.
- Взорвали... – вздохнул Моручи. – На месте Мекки уже больше ста лет ядерная пустыня – с тех пор, как триадцы воевали со Старой Землей... Святотатцы... Они и Иерусалим разбомбили, и Константинополь...
- Стамбул?
- До 2572 года – Стамбул. После – опять Константинополь, – пожал плечами Моручи. – У нас и других отличий много – наша вера, хеббридская, самая правильная.
- Ишь как... – понимающе закивал Денисов. – Ну ладно, харэ уже меня своей кукушкой грузить. Давай я лучше тебе про аборигенов расскажу, а то еще лопухнешься... Вон, видишь, те, что в рубашках? Ты их не развязывай, даже если будут просить, они буйные. Горец еще так-сяк, только башкой о стены бьется, а Кук и укусить может.
- Почему горец? – не понял Святослав.
- Да это у него кликуха – Горец. У него такая кукушка, как будто ему уже пятьсот лет.
- А на самом деле сколько? – стало интересно Моручи.
- Да хрен его знает – у него никаких документов нету, блин... На вид как тебе – лет тридцать...
- Мне сорок девять, – поправил его Святослав.
- Е-мое, гонишь, Степаныч! Хорошо сохранился! – позавидовал Николай. – Я б тебе столько не дал...
- В Империи средняя продолжительность жизни сто пятьдесят лет, – встал с койки Моручи. Он прошелся по палате, разминая мышцы – скрутили его туговато. – Я еще полста лет таким же буду, а потом уж стареть начну...

– А. Ну, флаг тебе в руки, – потерял интерес Денисов, решив, что это часть галлюцинаций его нового соседа. – Ну, в общем, насчет Горца ты понял. А Кука не развязывай – покусает! Он еще при совках какую-то брошюрку написал, про этого капитана, у него кукушка и уехала – вообразил себя Куком. Но переклинило его капитально – хочет отомстить тем, кто его съел. Аналогичным образом, блин! Видал дурика?

– Понятно, – кивнул Моручи. – А остальные?

– Так, мелкота всякая... Вон Жека-Паровоз – этот машинистом был. Эй, Жека, к Боло-гому подъезжаем!

Маленький седоватый псих моментально проснулся, вскочил и начал громко пыхтеть, подражая тормозящему паровозу.

– Сейчас к станции подъедет – успокоится, – с удовольствием наблюдал за ним Денисов. – Рядом с ним Володька-Химик. Этот так – почти нормальный. Только ты его по химическим темам ниче не спрашивай, а то начнет грузить часа на два... Он раньше учителем был. Толстый – Леха-Строитель, он все время в уголочке сидит, домики из кубиков строит. Студент, блин, с архитектурного. Вон тот, с усами – Василий Иванович, его по натуре так зовут. Воображает себя Чапаевым...

– А кто такой Чапаев? – не подумав, ляпнул Моручи.

– Либо у тебя кукушка уехала очень далеко, либо ты нерусский, – ничуть не удивился Денисов. – Ты правда, что ль, японец?

– Я имперец.

– Знаем, выучили, – весело хлопнул его по плечу Николай. – Ладно тебе дуться, Степаныч, ты мне лучше расскажи, че у нас в будущем будет. Как твоя кукушка думает – кто у нас следующий президент? Хотя это и так все знают...

– Я не помню, – поморщился Моручи. – Вот ты можешь мне перечислить... ну, скажем, египетских фараонов? А вы для меня такая же древность!

– Я из фараонов только Нефертити помню... и Хеопса еще, он пирамиду построил, – глубокомысленно сообщил Денисов. – А, да, еще Тутанхамон был... и Клеопатра! Блин, Клеопатру чуть не забыл... Ну а че помнишь? Ну давай, скажи че-нибудь интересное, повесели лекторат, блин!

Святослав крепко задумался, припоминая курс древней истории, изучаемый в средней школе. Увы, историей он никогда особо не интересовался, поэтому вспомнить сумел немного. Впрочем, это «немного» все равно было больше, чем знает средний землянин – в Империи очень хорошая система образования, одна из лучших в Галактике. Поэтому все самые основные даты он помнил.

– В 1961 году человек впервые...

– Гагарина вспомнил! – развеселился Николай. – Нашел свежую новость, блин! Это ж давно было – ты про будущее рассказывай!

– В первой половине двадцать первого века... – с трудом вспомнил Моручи, – ...человек впервые ступил на поверхность Марса. В 2042 году.

– Ну надо же... – сделал вид, что удивился, Денисов. – Ну тогда тебя скоро выпустят – убедятся, что не гонишь, и сразу выпустят. Сорок лет подождешь? Ой, блин, даже не сорок – тридцать семь! Совсем фигня!

– Не юродствуй, – холодно посмотрел на него Моручи. – Еще я помню, что в начале двадцать первого века на земле жил один мегаломаньяк – из-за него чуть не погиб весь мир. Что-то там с программой, из-за которой взбунтовались все информеры... компьютеры, по-вашему. Да, точно, его еще казнили через четвертование – американский президент лично распорядился, и все одобрили. Я про это фильм смотрел, исторический...

– Надо же... А как звать? Маньяка, а не президента, конечно...

– Билл Гейтс... а ты чего смеешься?!

– Да ниче, ниче... – утер выступившие слезы Денисов. – Давай, трепись дальше, блин, становится интересно. Че там у нас еще прикольного будет? Только лучше про космос рассказывай, а не про маньяков.

– Э-э-э... В 2079 построят первую постоянную базу на Луне. В 2109 – первую базу на Марсе. В 2182 году построят первый город на Луне, и в том же году – на Марсе. В 2184 году – первый контакт с инопланетянами. 2204 – испытание первого звездолета.

– Степаныч, а ты ниче не путаешь? – хихикнул Николай. – Это как же это люди на Марс-то, блин, летали до звездолетов?

– Звездолет – это космический корабль, способный к межзвездному полету, – угрюмо объяснил прописную истину Моручи. – 2223 год – первое инопланетное посольство на Земле. 2263–2265 – первая война Луны за независимость. Провалившаяся. 2282–2283 – вторая война Луны за независимость. Удачная. 2298 – независимость получает Марс. 2328 – первая база на поверхности газового гиганта. Юпитера. 2339 – первая колония на другой звезде. На... я не знаю, как она называется у вас. Планету назвали Зевсом. Кстати, именно после этого пошла мода называть планеты всякими мифологическими словами...

– Не, Степаныч, ты не прав, эта мода раньше началась, – не согласился Денисов. – Марс, по-твоему, хрен собачий?

– В 2372–2376 – война за астероиды. 2378 – начало Великого Передела Солнечной Системы. Все планеты разграничили, даже Марс разделился на два государства. 2389 – начало Войн за Независимость. К 2395 году независимость получили все планеты, кроме газовых гигантов – там все равно никто не жил. Их решили оставить нейтральной территорией.

– Как сейчас Антарктида?

– Антарктиду еще в 2083 году разделили между Австралией, Аргентиной, США и Россией. 2415–2420 год – Первая Космическая война. 2475–2476 – Вторая Космическая война. 2508–2514 – Третья Космическая война. В 2536 году всю Солнечную Систему окончательно разделили на двадцать два государства – время независимых планет осталось в прошлом. Каждую планету разделили между странами по-честному, и астероиды тоже, и спутники. Названия стран перечислять?

– Ну, блин, если не упаришься, – становился все серьезнее Николай. Ему казалось странным, что этот ненормальный выстроил такую складную систему, и до сих пор нигде не сбился. Обычно психи хоть где-нибудь, да прокалываются. Поэтому он решил попытаться подловить Моручи до последнего – может, фантазия все-таки откажет?

– Североамериканские Штаты – туда вошли США и Канада. Латиния – Мексика, Центральная Америка и Вест-Индия. Бразилия – Бразилия и Уругвай. Аргентина – Аргентина, Парагвай и Чили. Грит-Колумбия – остальные страны Южной Америки. Австралия – Австралия, Новая Зеландия и часть островов. Сахара – все страны пустыни Сахара. Нигер-Эфиопия – Нигерия, Эфиопия, Сомали, Камерун, Судан, Центральноафриканская республика, Габон и обе Конго. Южная Африка – все, что южнее Нигер-Эфиопии. Свободная Африка – все, что западнее Нигер-Эфиопии и южнее Сахары. Индокитай – страны полуострова, Индонезия, Филиппины и оставшиеся острова. Индия – Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш. Аравия – Аравийский полуостров, Иран, Ирак, Сирия. Греко-Турция – Греция, Турция, Кипр, Албания, Югославия. Испания – Испания и Португалия. Франция – Франция, Бельгия, Нидерланды. Германия – Германия, Швейцария, Австрия, Венгрия. Италия – сама по себе, и ненадолго. Великобритания – Великобритания и Ирландия. Скандинавия – Дания, Швеция, Норвегия, Исландия, Литва, Латвия, Эстония. Япония – Япония, Корея, Китай. Россия – Россия, Украина, Белоруссия, Финляндия, Польша, Чехия, Словакия, Румыния, Болгария, Кавказ, Средняя Азия, Афганистан, Монголия. Ну и Израиль еще, но у них за пределами Земли территорий не было, пока Шеол не открыли.

– А Евросоюз как же? – удивился Денисов, порядком ошалевший от такого длиннющего списка без единой запинки. – Распался, что ли?

– Еще в середине двадцать первого века. Точную дату не помню. 2569 год – начало Эпохи Колонизации. 2600 – американцы и латиняне закладывают колонию Деметра. 2622 – россияне и японцы закладывают колонию Сварог. 2675 – германцы и французы закладывают колонию Зигфрид. 2721 – последняя звездная колония, сто двадцатая по счету. После этого года земляне больше не смогли занять ни одной свободной системы – дальше начались территории ксенов. 2732 год – новые войны за независимость, теперь среди звездных колоний. С этого момента уже идет история Империи – в 2739 году планета Сварог отвоевала независимость. Только сначала у нас там была демократия. В 2865 году Сварог стал империей и сменил название. Мы единственная империя среди человеческих миров, потому и называемся очень просто – Империя. В течение следующих ста пятидесяти лет к нам примкнули еще двадцать одна планетная система – Йормунганд, Аластор, Тифон...

– Да не надо, не перечисляй, задолбал уже со своими списками! – взмолился Николай. – Верю на слово! Слышь, Степаныч, ну ты, блин, даешь стране угля... Может, ты правда откуда-то оттуда?.. Я б так симулировать не смог!

– В 2975 году началось объединение Солнечной Системы, – уже не мог остановиться разогнавшийся Моручи. – В первый же год восемнадцать стран объединились в Единую Землю. В 2977 году к союзу присоединилась Латиния, в 2980 Австралия, а в 2984 сдался и Израиль. С этого момента Солнечную Систему стали называть Старой Землей. А наша Империя за четыре тысячи лет изменилась не сильно – у нас по-прежнему двадцать две системы, та же форма правления, та же конституция. Наука, конечно, на месте не стояла, императорские династии несколько раз сменялись, войны были, перевороты были, все было...

– Все, все, все, сдаюсь, блин! – поднял руки Денисов. – Ладно, Степаныч, признаю: кукушка у тебя улетела конкретно. Или ты и правда не врешь, или по тебе диссертацию писать можно – с такой кукушкой...

– Ты мне веришь? – прямо спросил Святослав.

– Нет. Но сомневаться немножко уже начал. Вот если б ты доказал как-нибудь... Ты, случайно, какой-нибудь хреновины с собой не прихватил? Лазер-шмазер там, или еще че... Ты вообще тут откуда взялся-то?

– Я сам не знаю, как я тут оказался, – мотнул головой Моручи. – Был у себя в каюте, а теперь здесь... неизвестно где... в каком-то месте, очень похожем на прошлое. Но это не может быть прошлое – закон Лейбеля же!

– Достал со своим Ебелем, блин... Ну а еще как-нибудь доказать можешь? Может, ты умеешь че-нибудь этакое... интересное?

– Я пять лет учился в Академии Разведчика, еще пять – в Академии Офицера... – задумался Моручи. – Умею драться холодным и стрелковым оружием, владею рукопашным боем... А хочешь, я эту кровать сломаю?

– Ну это не аргумент, это любой качок может, – философски заметил Денисов. – Блин, а в будущем разве осталось холодное оружие? Типа финки?.. А как же лазеры-шмазеры?

– Конечно, осталось! – возмутился Святослав. – Дальний бой не всегда эффективен, часто удобнее драться вручную. Есть виброоружие, есть электрооружие, есть лазерное, есть мономолекуляры, есть шоковое, есть со встроенным ИРом... да всего не перечислишь!

– Охренеть можно, – зевнул Николай. – Ну ладно, вот найдем тебе какую-нибудь пукалку, покажешь, как ты стрелять умеешь.

– Еще я немножко учился на ментата... но я только два уровня закончил.

– А это че за зверь такой?

– Уровень? – удивился Моручи. – Ну, это то же самое, что класс или курс...

– Степаныч, ну че ты тупишь, в натуре? Не уровень, а это, на «м»... мандат, что ли?

– Ментат! У вас что, ментатов нет? – с искренним удивлением спросил Святослав. – Ментат – это человек, способный своим разумом управлять энергетическими, пси- и биополями и воздействовать на материю.

– Че? – безуспешно попытался понять Николай. – Блин, Степаныч, объясни подходчивее!

– В древности ментатов называли магами, чародеями, волшебниками... – попытался объяснить подходчивее Святослав. – Ну вот, смотри...

Он положил подушку на край кровати, уставился на нее, резко дернул ладонью, и она сама собой отлетела к стене. Рот Денисова начал медленно раскрываться.

– Но я почти ничего не умею, – виновато признался Моручи. – Основы телекинеза, шоковая психокоррекция, начала технотренинга... Только самое элементарное. Если бы я был полноценным мастер-ментатом, я бы эту больницу обрушил к шайтану... Эх, поленился учиться – слишком долго показалось...

– Степаныч... Степаныч... блин, Святослав Степанович... капитан... – сглотнул Денисов. – Ты че, блин... это... ты не псих, что ли?! Е-мое, ты правда это... блин! Не, ну блин, и все тут!

– Ты чего? – подозрительно посмотрел на него Святослав. – Что такого странного в ментате?

– Е-мое, блин, Степаныч, с этого начинать надо было! – возмутился Николай. – Слышь, ты это, ты главное – никому больше не показывай, какую ты хрень умеешь, а то начнут на тебе опыты ставить! Не, ну е-мое, блин, в натуре пришелец... из будущего! Е-мое, а так на кукушку похоже... Слушай, вот это, с подушкой, это че было? Ты там че-то говорил... какое-то био, какое-то техно... Я не понял ни хрена – ты поясни, а?..

– С подушкой – это телекинез, – объяснил Моручи. – Я владею только самыми основами – могу притянуть предмет к себе, или, наоборот, оттолкнуть.

– А остальное – это че?

– Могу парализовать человека минут на пять, – пожал плечами Святослав. – Но только одного за раз – больше не осилю. Еще немножко умею управлять сложными приборами... вон, видишь, часы висят?

Над дверью висели электронные часы. Работали они очень плохо – постоянно моргали. Моручи уставился на них, наморщил лоб, и цифры начали стремительно сменять друг друга. Продолжалось это секунд десять, а потом часы зашипели, из них посыпались искры и показалась струйка дыма.

– Вот так всегда... – вздохнул Святослав. – Не умею я – все время ломается...

– Слышь, капитан, а ты и сигнализацию в банке так сможешь закоротить? – мгновенно заинтересовался Николай.

– Мне нужно вернуться обратно, – твердо заявил Моручи. – На «Вурдалак». Я же капитан, в конце концов! И ты мне в этом поможешь.

Глава 3

– Подходим к орбите Персефоны, – сипло сказал человекоящер, опуская небольшой рычаг. – Дершитесь, человеки, будет трясти...

– Прибедняется старик, – улыбнулся Койфман. – Косколито в свое время был одним из лучших пилотов – он еще ни одного корабля не разбил...

На капитанском мостике присутствовали восемь членов экипажа плюс Михаил. Не хватало шишковатого Рудольфа, робота Дельты, Сиреневого Бархата и Остапа. Ящер Косколито и стервозная Джина сидели в пилотских креслах – один вел «Вурдалака», а вторая делала вид, что помогает. Фрида восседала в небольшом креслице рядом с полупрозрачным перебивающимся кубом – таким образом она управляла движением в гиперпространстве. VY-37 тихонько попискивал рядом с приборной панелью, светя туда своим лучом – считывал информацию из эфира. Койфман сидел за панелью связиста – он только что закончил переговоры с планетой, получив разрешение на посадку и координаты выделенного причала.

Остальные присутствовали просто так, как зрители.

В самом центре главного корабельного помещения мозолило глаза удобное кресло на небольшом возвышении. В левом подлокотнике информ, в правом – максимально компактная панель управления. В нем никто не сидел – это было личное кресло капитана. Сейчас, когда оно пустовало, весь мостик выглядел как-то сиротливо...

– Система Деметры – местечко безопасное, – объяснил Койфман. – А вот в других местах всякое случается – и пираты, и саграпы, и хищники космические... Вот тогда мы с Тайфуном садимся на амбразуры... И Остап тоже – он на ракетнице дежурит, а мы на лазерах. Между прочим, Мишенька, а что это у тебя за царапина?

– Да так, ерунда, – спрятал руку Ежов. Не признаваться же, что оцарапался о перстень Александра Максимовича?

– Ерунда не ерунда, а к Остапу ты с этой ерундой близко не подходи, – возразил Койфман. – Ты вот думаешь, он родился таким огромным? Нет, дружок, он гладиатором был, на Золотом Кольце, в астероидах. А этих гладиаторов специальными лекарствами пичкают – для мышечного роста. Только у них всегда побочные эффекты есть – кто стареет быстро, у кого просто башню сворачивает... Деменция – так почти обязательно. А Остап у нас легко отделался – у него всего лишь бладерия... это болезнь такая, – пояснил старик. – Запаха крови не выносит – дуреет, крушить начинает все направо и налево. Берсерк, если по-простому. Его только на то и хватает, чтобы своих от чужих отличать – знакомое лицо не тронет. Он, правда, фильтры специальные в ноздрях таскает, но они не всегда помогают, так что ты, на всякий случай, постарайся, чтобы он тебя побыстрее запомнил...

– Да вы все тут... странные... – поежился Михаил. – Пришельцы, роботы... Корабль уродов!

– Ты, Мишенька, так не говори, это невежливо, – упрекнул его Койфман. – Мы хоть и странные, а только у нас любой тебя в крыжаний¹ хвост согнет...

– И вы? – усмехнулся Ежов, смерив снисходительным взглядом плюгавого старичка.

– Э, Мишенька, внешность-то, она обманчива, – улыбнулся Койфман. – Я хоть и раввин...

– Раввин?! – поразился Михаил.

– Бывший, – спокойно ответил старик. – Военный раввин – капеллан по научному. До старшего лейтенанта дослужился, между прочим... Больше капелланам не присваивают.

¹ Крыжан – мелкое насекомоядное, обитающее на Святой Земле. Отличительная особенность – длинный хвост, свернутый в спираль.

– Ну и что, я тоже старший лейтенант. Я тоже в армии служил...

– А потом дезертировал, – даже не пытаюсь слушать, продолжал Койфман. – Я ведь, Мишенька, родом со Святой Земли... только это теперь ее так называют, а раньше планета звалась короче – Шеол. И правильно звалась – Шеол и есть Шеол. Размером с Марс, воздуха мало, жарко, как в настоящем Шеоле... Мы ее, конечно, терраформировали, слегка подправили, но там все равно жить плохо... А лет так сорок назад у нас теократы к власти пришли. Представляешь, что удумали – армию распустили! Мы, говорят, избранный народ, нас Бог защитит... Ну я и эмигрировал почти сразу же. А что мне было еще делать? Я же капелланом был. Раввин-офицер, десять боевых вылетов. Я, Мишенька, и хокер, и снайпер, и много чего еще...

– А хокер – это что?

– Бой рукопашный – хокина. У нас придумали, на Святой Земле! – похвастался Койфман. – Ты, Мишенька, не смотри, что мне сто двадцать лет...

– Сколько-сколько?! – снова вылутился Ежов.

– Так сейчас никто меньше ста тридцати не живет, – удивился старик. – Имперцы, вон, рекордсмены – сто пятьдесят минимум. Они там все на спорте помешанные, культ здорового тела... Тебе сколько лет?

– Тридцать четыре...

– Вот, а выглядишь старше, чем капитан! А ему пятьдесят скоро стукнет! Вон, Джину видишь? Ей сорок пять. Дашь ей столько?

– Не дам... – покачал головой Михаил – латексная красotka выглядела от силы на тридцать.

– Да, бесплатный совет – от Джини держись подальше. Остап правильно тогда сказал – ее из армии вышибли за массовое изнасилование в особо тяжелой форме, с увечьями. У нее психопатический склад характера – взрывается по любому пустяку, может покалечить, а то и похуже. А в драке она мастер... да это ты уже и сам понял. Она из СОП, космический десант. Их там так готовят... У нас тоже похожие части были – Лазурная Рота. Да вот теократы эти, будь они неладны...

– А вон та... Фрида, кажется? Она слепая? – тихо уточнил Михаил.

– Слепая. А еще глухая. И немая – у нее язык вырезан и небо опалено. И ноздри изнутри сожжены. И нервные выходы на коже. У нее ни одного из пяти чувств нет.

– Елы-палы... – присвистнул Ежов. – Это кто же ее так...

– Бундесы. Она тоже бундеска, на Зигфриде родилась. У их ученых лет двадцать пять назад такая теория родилась – мол, если лишить человека всех природных чувств, у него новое разовьется – шестое. А бундесы в таких случаях не мелочатся – сразу взяли три тысячи младенцев, да всех и... прооперировали. Половина сразу же померла, остальные выжили. И представляешь – получилось! Примерно у одного процента выживших действительно развилось шестое чувство! Правда, почти все они тоже умерли еще в детстве. Фрида от них сбежала еще в десять лет вместе с Вальтером – тоже телепатом был. Вальтер, правда, недолго после этого прожил – умер через несколько месяцев. А Фрида, вот, живет – ей двадцать пять недавно исполнилось... Конечно, так жить плохо – она даже ходить нормально не может, видишь, приборы на ногах? Говорит за нее ларингофон на горле, дышит через трубки, ест через капельницу... Вылечить не получается. Зато уж ясновидение у нее такое – не ходи купаться! Видит без глаз, слышит без ушей, мысли, как книжку читает, и в гипере ориентируется лучше всякого ИРа. И оружия ей никакого не надо – она усилием воли тебе мозги спечет.

– У вас все, что ли... дезертиры?

– Почти, – благосклонно кивнул старик. – Вон, Косколито в серранском посольстве работал, в спецслужбах. Пилотировал какой-то сверхсекретный истребитель. А потом не поделил что-то с начальством, да и дал деру. Они, серраны, нас, людей, терпеть не могут, мы с ними

воевали бесчисленное число раз. А вот, видишь, как его припекло. Но водит он все, что угодно – редкий мастер. А Соазссь, например... сможешь повторить его имя?

Михаил попробовал выговорить это свистящее слово, для чего ему пришлось крайне неестественным способом вывернуть губы, но так и не смог.

– Не страшно, называй как получится, он не обижается, – усмехнулся Койфман, покосившись на «кальмара». – Соазссь из хуассинов – они вроде космических цыган. Летают с планеты на планету, торгуют всякой ерундой. Он у нас суперкарго – в этом деле хуассинам равных нет. Жадный, правда, нечеловечески, но они все такие. Его за то с прежней работы и вышибли – хапнул больше, чем ему по рангу позволялось. Зато в любом товаре разбирается, как бог – он тебе по запаху скажет, что за вещь, откуда, сколько стоит. И связи у него хорошие – на любой планете дружки-знакомые. Они, хуассины, везде без масла пролезают.

– А тот... пупырчатый?

– Рудольф ван ден Хейнекен, с Муспелля. Профессором раньше был, атомным физиком, редкие металлы изучал. А теперь у нас простым механиком. Они, Мишенька, там, на Муспелле, нашли один металл – сурторий. Страшная вещь – в пятьсот раз радиоактивнее радия. У них станция взорвалась – полгорода похоронило. А вот те, что в эпицентре были, как он – выжили! Представляешь? Хотя сам видишь, во что превратился. Он у нас теперь в реакторе спит – любит радиацию. На него вообще никакое излучение теперь не действует, даже лазерное. Зато где-то раз в две недели у него «критические дни» – валяется на полу, корчится от боли, блюет по-черному... Бородавки все разом лопаются, и вот тут к нему близко не подходи – вонь такая, что крюгома² убьет...

Койфман посмотрел в иллюминатор – «Вурдалак» уже входил в плотные слои атмосферы. Михаил посмотрел туда же, стараясь не поворачиваться в сторону Джины – злобная десантница буквально сверлила его бешеными глазами.

– Дитирон с Нео-Кина – это такая примитивная планета, – продолжил представление экипажа старик. – Раса – уу-де-шуу. Уровень развития – ну вот как у нас неандертальцы были. Мы там случайно высадились, поломка небольшая была, в космосе не получалось починиться... Капитан, Бархат и мы с Соазссем пошли прогуляться. Смотрим – на этого типа зверюги какие-то насаждают. Ну, капитан их подстрелил. А по их законам, оказывается, он теперь должен капитану жизнь, и пока не вернет, должен за ним везде следовать. Вот так с нами и летает с тех пор – уже седьмой год. Язык подучил, в технике разбираться стал – и не скажешь, что дикарь... А вот Сиреневый Бархат с Цветка, Раскрывающегося В Лучах Зари. Его народ называется «Плывущие В Воздушном Океане». Это перевод, конечно. Ты же видел, как они разговаривают – узорами на коже. Но слышит он хорошо, и по-нашему понимает, так что можешь с ним говорить – он поймет. И ты его скоро научишься понимать – это только кажется непривычным. А на самом деле у них язык очень простой. Его планета – газовый гигант, но он и в нашем воздухе нормально себя чувствует.

– А чем он на корабле занимается-то? – спросил Ежов, теряясь в догадках, какую работу может выполнять тот, у кого и рук-то нет.

– Вообще, врач. А еще ментат – на хорошем корабле всегда должен быть ментат. Плывущие все поголовно ментаты – талантливый народ. Знаешь, какие он шаманства умеет творить! Погоди, вот увидишь как-нибудь...

Что такое «ментат», Михаил уже выяснил. Его ужасно поразило то, что в будущем экстрасенсорные способности все воспринимают, как совершенно естественную вещь. Тот же Койфман, например, умел зажигать сигареты пальцами. Правда, этим его таланты и ограничивались – научился этому фокусу еще в школе, а дальше так и не продвинулся.

² Крюгом – гигантская панцирная рептилия, обитающая на Святой Земле.

– За информацию у нас отвечает Ву – мы, правда, до сих пор не знаем, чьего он производства. Мы его нашли рядом с одной планетой... по-моему, он вообще поврежденный. Но все равно очень качественный – умнее любого нашего ИРа. Хотя Дельта тоже неплохая железяка – СОПовское производство. СОПовцы хорошо серверов делают, только вот их ИРах всегда чип монтируют, запрещающий насилие. Но капитан его удалил, так что получился сносный боевой робот. И еще кок. И стюард. На все руки мастер. Только программа личности неудачная – меланхолик со склонностью к философии. Ну, ты уже видел. Все время рассуждает о чем-то и постоянно куксится.

– А Тайфун?

– «Тайфун-100», бундесский боевой кибер. Разрушающая мощь просто жуткая – напичкан лучеметами под завязку. Их в частном пользовании, вообще-то, иметь запрещено, мы его сперли...

– А чем вы вообще занимаетесь? – еще успел спросить Михаил – за иллюминаторами уже виднелось посадочное поле космодрома.

– Чем придется, – пожал плечами Койфман. – Торгуем, в основном. У нас кораблик шустрый, вот и скачем, как ходзеки³, с планеты на планету. Иногда в наемники подражаемся – у нас боевой отряд хороший, спаянный. Капитан у нас Академию Разведчика и Академию Офицера закончил, а это тебе, Мишенька, не рыба-фиш! Имперцы, знаешь, как своих учат? У них армия самая сильная в человеческом секторе! Да и дальше по Космосу мало кто может потягаться... ну, галакты разве что, но они не считаются.

– Почему не считаются?

– Потом расскажу, если время будет...

«Вурдалак» прочно утвердился на посадочном поле и замер. На мостике появились отсутствующие члены экипажа. Все смотрели друг на друга как-то неуверенно – похоже, никто просто не знал, что делать дальше.

– Капитана не хватает... – высказал общее мнение Соазссь. – И кто же таки будет йас-пойажаться?

– Да что же мы, сами разок не управимся? – таким же неуверенным голосом спросила Джина. – Давайте как обычно, сдадим груз, потом... ну, потом...

– *[Множество черных точек, красный параллелограмм, белые завитки]*, – даже Плывающий был растерян.

– А что у нас вообще на борту? – поинтересовался Койфман. – Соазссь, дорогуша, зачитай полный список.

– Полный список очень уж длинный, – отказался хуассин. – У нас не только на Пейсефону, еще есть и на Янус, и на «Пейевал», и на Отт'йонгкито, и на Посейдон, и на Ф'йейю, и таки даже на LOKN-4330...

– Ну а на Персефону-то что? – настаивал старик.

– «Ценителл» – лекайство такое, йедкое. Один ящик. Пайтия жабейных кошшходе'йов. Сойок штук, к'йиозамойоженные. Контейней очищенной платины. Полтойа центнейа. Ящик с экспейиметальными донойскими ойганами. И пять кип соймуланского хлопка.

– Я думаю, нам нушно побыстрее сбросить грузы и срочно расыскивать капитана, – прошипел Косколито. – Фрида, ты уверена, что ничего не нашла в мосгах этого человека?

– Прости, – покачала головой слепая девушка. – Он не знает ничего полезного. Если судить по его разуму, он прибыл из прошлого. Но мы уже договорились, что там капитана быть не может.

– А ты, Бархат? – повернулся к воздушной медузе человекаящер.

³ Ходзек – разновидность кузнечиков, обитающая на Святой Земле.

– [*Синие полосы*], – завибрировал Бархат. Ментат тоже не сумел выяснить ничего полезного.

– Ву?

– Отрицание.

– Рудольф?

– Никаких идей, – пожал плечами мутант.

– Я его таки п'йосканийовал, – сообщил Соазссь, деловито ощупывая бицепс Михаила своими щупальцами. Ежов брезгливо дернулся, но конечности хуассина на ощупь оказались совсем не противными – сухие, теплые, самую малость шершавые. – Обычный человек, как все.

– От человек вечно одни неприятности... – искривил тонкие губы Косколито. – Нам нушен профессионал по росыску...

– Как ни прискорбно, но это так, – кивнул Дельта. – Нам нужен детектив... если только в этом мире что-то кому-то вообще может быть нужно.

– Да, надо бы нанять сыщика... – задумчиво покивал Койфман.

– Э-э-э... – рискнул подать голос Михаил.

– Я тебе разрешала пасть открывать?! – тут же подскочила к нему Джина, замахиваясь для удара.

Ежов скрипнул зубами – ему ужасно хотелось попробовать еще разок врезать этой змеюке. Ну разве же настоящий мужик выдержит такой позор? Но у нее на поясе висели пистолеты, а вокруг толпилась куча разнокалиберных монстров, и он понимал, что экипаж «Вурдалака» не даст в обиду одного из своих.

– Он как раз детектив, – бесстрастно сообщила Фрида, по-прежнему глядя в стенку. Хотя вряд ли слово «глядеть» применимо к тому, у кого нет глаз. – Частный.

– В самом деле? – удивился Рудольф, глядя на Ежова с легким интересом. Впрочем, теперь уже все глядели на него заинтересованно. – Может, от него все-таки будет польза?

– Так он же сам его и похитил! – возмутилась Джина. – Давайте его расчленим!

– Ну ты завжды, як що-небудь брякнешь, так хучь стий, хучь лягай, – гоготнул Остап, глядя на бледнеющего Михаила. – Ну на що тобі потрибен вин расчленений? Краще вин, що ли, от того буде? А вот розыскуватель нам потрибен, це Колито дило каже.

– Кос-ко-ли-то! – по слогам повторил серран. – Прошу не коверкать мое имя, человек!

– А шо ты мене все чоловик, та чоловик? – обиделся великан. – У мене, чай, имя исть – Остап Хасан Кенайберды.

Ежов от такого имени чуть не подавился, но промолчал. Впрочем, он уже понял, что его привычные мерки в семьдесят втором веке никому не нужны.

– Ладно, детектив, у тебя есть шанс реабилитироваться, – хмуро сообщила Джина. – Вернешь капитана на место – останешься нерасчлененным.

– Даже гонорар, может быть, заплатим, – приятно улыбнулся Койфман.

– А це – зуськи! – сложил фигу Остап. – До речи, якое може бути гонорурство цему чоловіку? Ни заслужив!

– Ну, посмотрим по результату, – дипломатично согласился Койфман. – Давай, Мишенька, берись за дело, а уж мы тебе поможем, чем сможем.

– Ну, хорошо, – потер руки Ежов, – начнем с начала. Мы имеем казус с перемещением двух человек сквозь время и пространство...

– Ты не бреши зря, а кажи як е, мы зрозумие, – неодобрительно пробасил Остап.

– Справка. Перемещение в прошлое невозможно, – поддакнул ему VY-37.

– Хорошо, хорошо! – поднял руки Михаил. Он никак не мог понять, почему все здесь так люто отрицают путешествия в прошлое. Даже на мгновение не хотят допустить такую возможность. – Капитан исчез... неизвестно куда. Берем за аксиому, что он жив и его можно вернуть обратно – в противном случае не имеет смысла трепыхаться.

– Логично, – прозвенела Фрида.

– Есть две основные версии – несчастный случай или чей-то злой умысел. Это может быть несчастным случаем?

Весь экипаж «Вурдалака» как-то замялся. Похоже, это могло быть несчастным случаем, но в такую версию никто не верил.

– У вашего капитана были враги?

– Да еще сколько! – просвистел Соазссь. – У нас у всех есть!

– В общем, мне нужна полная информация о вашем капитане, подробное досье, связи, когда, кто, с кем... Кто мог провернуть такой финт, зачем ему это нужно, где его искать.

– Ну, выдай ему досье, – неохотно распорядился Косколито.

– И еще мне нужен доступ к его личным вещам, – попросил Ежов. – И к документам.

– А не жирновато ли будет, Мишенька? – хитро прищурился Койфман.

– Вам нужен результат, или нет?

– Нужен капитан. Нужен капитан, – прогудел Тайфун. – Не результат. Капитан.

– Рудольф, ты б починив його, а то вин знову зламался, як родзувальня Требника, – придиричливо осмотрел робота Остап. – До речи – а чому мы бачим, що цея шкода був до капитана? А колы вона до цего розыскувальника? Може, це його хто высадыв досюда? А капитан так – тилькы производ?

– Моя думать, что это все злое колдунство! – заявил Дитирон.

– Между прочим, Остап дельную мысль высказал, – задумался Рудольф. – А если и правда это именно детектива кто-то решил таким образом переправить к нам?.. зачем-то...

– Да кому я нужен?! – вылутился на него Ежов. – Кому вдруг понадобилось такое устраивать?! Да и кто бы смог такое сделать?!

– А капитан кому нужен? – резонно заметила Джина. – Убить – понятно, это многие бы с удовольствием. А зачем его нам обменяли на тебя – вот это непонятно!

– Я считаю, что нужно снабдить его всей информацией, и пусть делает свою работу, – прозвенела Фрида. – Соазссь, дай ему код от капитанского сейфа.

– От сейфа-то дам, – прокряхтел хуассин. – А стол как отк'йить? Там ДНК-анализатор, только сам капитан может отк'йить... Я уже пайу йаз п'йобовал... Ломать будем?

– Це мы завжды! – оживился Остап, с уважением щупая свое плечо. – Який же я могутный... ну як слоняка!

– Зачем ломать, вскроем, как прод Стерка'одози, – потер бородавчатые руки Рудольф. – Бархат, у тебя есть образец капитанской ДНК?

– [Фиолетовые круги].

– Ну вот и давай его мне. А я сооружу приборчик...

– Понимаю, что до меня никому нет дела, – печально сказал Дельта. – Однако все же рискну предложить помощь... впрочем, я пойму, если она будет с презрением отвергнута.

Ежова под конвоем отвели в капитанскую каюту, предоставили ему всю имеющуюся информацию и дали в помощь VY-37. Справочный робот знал больше, чем все земные библиотеки, только вот получить эту информацию удавалось не всегда. Похоже, он действительно был с некоторым дефектом – порой попросту отказывался говорить, а иногда, наоборот, выливал из себя океаны совершенно ненужной информации.

В течение следующих часов Михаил узнал о Святославе Степановиче Моручи все, что только можно было. Родился в Нео-Хоккайдо – столице Сварога и всей Империи. Аристократ. И не просто аристократ, а высшей пробы – родственник императора! Пусть и очень-очень дальний – седьмая вода на киселе.

Порой таких благородных лиц действительно похищают для разных целей, но, увы, такая версия была абсолютно несостоятельна. Никаких владений или денег у Моручи не имелось – все его имущество находилось здесь, на «Вурдалаке». Обнищавший аристократ, сколотивший

отряд наемников и ставший чем-то средним между корсаром и космическим дальнобойщиком – вполне типичная история для этого времени.

Да и для любого другого тоже...

Для политических целей Моручи тоже малопригоден – да, он находится в списке лиц, стоящих в очереди к престолу, но он в ней тридцать седьмой. То есть, его шансы когда-нибудь получить корону мало отличаются от нуля – для этого должны скоростно скончаться аж тридцать шесть самых знатных дворян Империи.

К тому же с Юрием Вторым, нынешним императором Империи, у Святослава сложились предельно натянутые отношения. В свое время Святослав собирался жениться. Однако его невеста – принцесса дома Анубиса, еще одной монархической планеты, приглянулась и Юрию, тогда еще не императору, а цесаревичу. К тому же брак был выгоден по политическим соображениям: Империя и Анубис в последнее время все больше сближались, и все шло к тому, чтобы сделать анубисиан двадцать третьей системой в составе Империи. Принцессе Белинде Юрий Инамура понравился больше Святослава Моручи, и она недолго думала, кого выбрать.

Святослав оскорбился и вызвал дальнего родственника на дуэль. Тот не стал отказываться. Однако цесаревич Юрий был не только одним из лучших фехтовальщиков своего государства, но и блестящим ментатом – дуэль окончилась очень быстро чистой победой наследника престола. Не так-то легко сражаться, когда противник не только размахивает виброшпагой, но еще и прожигает тебя взглядом. В прямом смысле. Официально Святослав тоже считался ментатом, поэтому дуэльный кодекс Империи не возражал против подобных фокусов.

После той дуэли Моручи ушел в запой. После двух недель беспробудного пьянства не нашел ничего лучшего, кроме как пойти и пристрелить цесаревича. Очень уж буен был по молодости, да и алкоголь здравомыслия не прибавил.

Конечно, у него ничего не вышло – только получил мешок люлей от охраны, вот и весь его пьяный подвиг. Именно после того случая Святослав Моручи бросил пить. Навсегда. С тех пор он даже видеть не мог ничего спиртного.

За покушение на члена императорской фамилии положена смертная казнь. Но Юрий Второй принял во внимание смягчающие обстоятельства и своим высочайшим повелением помиловал заблудшего подданного. Император-отец Сергей Четвертый не возражал – к тому времени он настолько состарился, что с трудом мог говорить.

Собственно, об этом досадном происшествии ему даже не доложили.

Моручи подвергли «Непростительной Бенефиции». Сей факт означает, что отныне ему под угрозой смерти запрещалось появляться на территории Империи. Практически в тот же день он приобрел в собственность «Вурдалака» и покинул родину.

С тех пор прошло двенадцать лет, и все это время его нога не ступала ни на одну из планет Империи. Правда, сам «Вурдалак» на эти планеты приземлялся часто. Однако согласно Галактическому Своду Законов, установленному галактами, космический корабль является чем-то вроде суверенного государства, и внутри него не действуют законы планеты, на которую он приземлился. Формально на звездолете нельзя даже никого арестовать без разрешения его капитана.

Вместе с Моручи со Сварога смылся один из лучших работников серранского посольства – Косколито дир Тогшерре. Серраны – поголовно расисты и на дух не переваривают иноплеменников. Но Косколито был терпимее других, и уже давно дружил со Святославом. И у него тоже возникли неприятности с законом – правда, уже серранским. Поэтому он охотно согласился стать первым пилотом «Вурдалака».

На первой же остановке (Деметре) Моручи и Косколито встретили в баре некую Джину Кроу, глушащую драконьи дозы спирта, пытаясь забыть великое горе – увольнение со службы с волчьим билетом. Заслуженным, но от того не менее обидным. Так «Вурдалак» приобрел второго пилота. Несмотря на взрывной характер и предельной концентрации стержность, Джина

вполне вписалась в коллектив – они все время грызлись с Косколито, а капитан разводил их по углам.

На Персефоне экипаж пополнился четвертым членом. Аарон Лазаревич Койфман сам явился и предложил услуги связиста. Из-за своего преклонного возраста он нигде не мог найти работу, а на покой не хотелось. Всего втроем команда не справлялась, так что после недолгого обсуждения его приняли. И не пожалели – старичок очень скоро стал кем-то вроде помощника капитана. И стрелял он превосходно.

Спустя месяц «Вурдалак» заглянул на Зигфрид, доставляя небольшой груз. Когда они уже собирались стартовать, к трапу подбежала девчонка лет тринадцати, увешанная приборами для поддержания жизни, и стала умолять увезти ее с этой планеты. Куда угодно, лишь бы подальше от Бундестага. Моручи, ни секунды не колеблясь, приказал ей залезать внутрь. Через несколько минут к «Вурдалаку» спешно прибыл отряд шуцманов, потребовавших выдать преступницу. Святослав послал их к шайтану и потребовал, чтобы ему объяснили, какое преступление могла совершить искалеченная девочка-подросток. Фриду попытались забрать силой. В ответ шуцманов встретил огонь корабельных лазеров. Автомат Косколито, игольники Джины, винтовка Койфмана и мономеч Святослава заставили их отступить, и «Вурдалак» спешно стартовал, пока не прибыла подмога. После того случая Моручи почти пять лет держался подальше от Бундестага. Но Фрида так и осталась на корабле, став воистину незаменимым членом экипажа.

За три месяца «Вурдалак» и его команда подзаработали денег и усовершенствовали корабль. Трюм изрядно увеличился, и теперь «Вурдалак» мог перевозить гораздо больше, чем раньше. Моручи задумался о суперкарго. Он обратился на биржу труда на Вяйнемеинене, и ему достался замечательный специалист – Соазссь Лсэндсассзс. Он сразу же предложил работать бесплатно, исключительно за проценты от прибылей, и с тех пор неустанно трудился, приумножая богатство своего нанимателя, а значит, и собственное. До «Вурдалака» Соазссь работал финансовым директором в одной крупной корпорации, но оттуда его выгнали за казнокрадство – обычная зарплата этого хуассина не устраивала.

Еще через два месяца Моручи купил робота-сервера, решив, что экипаж слишком разросся, и кто-то должен работать на камбузе. Дельта 6843763 TR был одной из лучших моделей, специально для космических кораблей. Правда, СОПовцы запрещают производить боевых роботов – их киберы подчиняются Трем Законам, сформулированным еще Азимовым. Однако Моручи первым делом вырезал из Дельты эти законы и засунул вместо них несколько боевых программ. Все-таки он вырос в Империи, а там ИРы пользуются теми же правами, что и органические граждане.

На Муспелле к экипажу присоединился Рудольф ван ден Хейнекен, желавший бесследно исчезнуть от великого позора. Известный физик-ядерщик не выдержал крушения своей теории, и место скромного механика на небольшом звездолете стало для него идеальным вариантом окончания карьеры. Отныне он не желал иметь ничего общего с большой наукой.

Примерно через год после того, как Моручи был изгнан с родной планеты, «Вурдалак» нашел в космосе дрейфующий контейнер. А в нем – маленького робота в форме шара, изделие неизвестной цивилизации. Рудольф хотел разобрать его и посмотреть, что там внутри, но VY-37 не поддавался никаким усилиям. Даже лазеры и монорезаки не оставляли на нем следов. Выяснилось, что VY-37 слегка поврежден где-то глубоко внутри, но все еще способен на многое. Он подключился к корабельному компьютеру, впитал всю информацию, известную человеческой расе, и самовольно принял на себя обязанности информанта. Прогонять его никто не стал.

Спустя еще полгода «Вурдалак» обзавелся собственным ментатом – Сиреневый Бархат стал одним из немногих Пльвущих, пожелавших путешествовать по космосу. Хотя вообще Пльвущие очень неохотно покидают свои планеты. Это народ ментатов, и они развивались

совершенно иначе, чем люди, серраны или хуассины. У Плывающих есть способы просто переноситься с планеты на планету, одной только силой разума. Несколько Плывающих собираются в круг, начинают вертеться хороводом, в центр влывает еще один и готово – он на другой планете. Таким образом они и колонизовали те немногие планеты, на которых живут. Их культура совершенно нематериальна – Плывающие ничего не производят, ничего не строят. Они вообще не пользуются вещами. Но Сиреневый Бархат всегда был среди своих белой вороной.

Девять лет назад на «Вурдалаке» поселился Остап Хасан Кенайберды. Бывший гладиатор воспользовался «Вурдалаком», чтобы улететь с осточертевшего Золотого Кольца. Сначала он хотел двинуть на СОП. Однако там ему не понравилось. Он решил полететь на Старую Землю, но тоже передумал. А потом у него закончились деньги, и он предложил свои услуги капитану. И очень скоро стал очередным членом экипажа, заняв должность канонира.

О том, как семь лет назад «Вурдалак» подобрал Дитирона, Ежов уже знал из рассказа Койфмана. Ну а четыре года назад Моручи слегка незаконным путем приобрел Тайфуна.

С тех пор экипаж больше не увеличивался. Хотя на «Вурдалаке» еще имелись свободные вакансии – в прошлом году его в очередной раз расширили, а экипаж охотно подрабатывал в качестве небольшого отряда наемников. Все члены команды отлично умели бить морды и не гнушались на этом зарабатывать.

Ежов узнал еще несколько любопытных фактов о Империи. К примеру, тот факт, что их центральную планету, Сварог, основали русские и японцы, стал краеугольным камнем всей цивилизации. Смесь рас дала новую расу – имперцев. Высокого роста, атлетического телосложения, с азиатско-славянскими лицами, поголовно темноволосые, и ни одного бородатого. Бороды у имперцев вообще не росли (в отличие от усов). Все имперцы носили русские имена и японские фамилии, и обращались друг к другу по имени-отчеству.

Но чаще просто по имени.

Культура Империи тоже выросла из русской, японской и еще арабской. Но сейчас она не походила ни на что, когда-либо существовавшее на Старой Земле. Правление – абсолютная монархия, без каких-либо признаков парламента. Император совмещает в себе законодательную и исполнительную власть, а также стоит во главе судебной. Его слово – закон, хотя и сам он должен подчиняться так называемому «Кодексу Четырех», своеобразному сборнику «законов для монархов».

А еще Сварог стал ментальным центром человеческого космоса. Именно на нем в далеком тридцать третьем веке возродилось, казалось, прочно утраченное умение, именуемое современниками Михаила коротко и емко – магией. Войска Империи включали в себя не только армады боевых кораблей, дивизии роботов, могучую бронетехнику и многочисленные отряды спецназа (в том числе и инопланетных наемников), но и несколько рот ментатов.

Самые сильные ментаты ценятся примерно так же, как космический эсминец. Да и не даром – ведь мастер-ментат высшего посвящения вполне может взорвать такой эсминец усилием воли. Если, конечно, на его борту не окажется ментата-блокировщика. Поэтому СОП и Бундестаг всеми правдами и неправдами пытались создать похожие войска, переманивали ментатов из Империи и других государств, которые их имели, и изыскивали альтернативные методы. Одной из таких альтернатив как раз стала Фрида.

Еще Михаил узнал, что в нынешнем человеческом космосе существует три основных политических силы. СОП, Бундестаг и все та же Империя. Все три – космические федерации. Но вот системы правления совершенно различны – демократический союз, тоталитарное государство и абсолютная монархия.

На долю вышеупомянутых федераций приходится почти половина всех человеческих систем – пятьдесят девять. Остальные принадлежат малым односистемным государствам, хотя есть и несколько двусистемных, и даже одна трисистемная – Триада, почти сто лет назад вое-

вавшая со Старой Землей и нанеся ужасный ядерный удар по Суэцкому каналу и ближайшим землям.

Всего людям принадлежит сто двадцать одна звездная система, включая родную Солнечную. Так называемый «человеческий» сектор. Дальше начинаются территории чужих, коих в обитаемом космосе многие тысячи разновидностей. Есть очень многочисленные народы, почти не уступающие людям, а есть и крохотные, ограничивающиеся одной-единственной планеткой, или даже делящие ее с другими разумными. Отношения между расами самые разные – от мирной торговли до кровавых войн.

Человеческая раса говорит на множестве языков, среди которых особенно выделяются имперский, СОПовский и бундесский. А еще есть так называемый «общечеловеческий», на котором свободно изъясняется восемьдесят процентов людей. В человеческом секторе этот язык играет ту же роль, какую русский играл в республиках бывшего Советского Союза. Обще-человеческий искусственного происхождения, как эсперанто, и на редкость прост – даже чужие учат его очень легко.

Очень удивил Ежова тот факт, что в Солнечной Системе людям принадлежат все планеты, кроме Урана. Его еще две тысячи лет назад продали расе дроношей, для которых Уран оказался просто-таки райской планетой. Они передали землянам в обмен одну из своих планет – Лердакуц-ж-5, почти сразу же переименованный в Левиафана. Дроношам эта планета была нужна примерно так же, как нам – Уран, но для людей Левиафан оказался просто превосходным местом – он вошел в десятку лучших человеческих миров (кстати, Земля в этом списке стояла всего лишь на двадцать третьем месте). А на самом первом месте оказался тот самый Сварог – русско-японская экспедиция умудрилась отыскать и застолбить за собой самую лучшую планету в человеческом секторе.

Кстати, оказалось, что подобная торговля планетами – случай отнюдь не единичный. Во многих человеческих системах жили чужие, купившие или выменявшие у людей одну-две планеты, им самим ненужные. Точно так же и у чужих время от времени встречались поселения людей.

Однако многие системы самым вопиющим образом пустовали. Оказалось, что колонизировать можно только системы незанятые, в которых разумной жизни нет и не предвидится. Если же там есть хотя бы питекантропы – даже нос совать запрещено. А следят за исполнением этого правила те самые галакты, о которых Койфман говорил, что они не считаются. И действительно, не считаются – это оказалась не цивилизация, а некая спецслужба даже не галактических, а вселенских масштабов! Их посольства имелись почти на каждой планете, но они никогда ни во что не вмешивались, заботясь исключительно о недоразвитых цивилизациях.

Очень суровыми методами.

Насколько эти методы суровы, Ежов мгновенно убедился. Он узнал, что еще в далеком двадцать седьмом веке итальянцы попытались колонизовать планетную систему, в которой была разумная жизнь. Очень примитивная – их предполагалось выселить на небольшой материк в южной части планеты и устроить резервацию, как некогда американцы сделали с индейцами. Однако галакты равнодушно предупредили, что этого не допустят.

Итальянцы галактов послали. Галакты не стали давать второго предупреждения – они просто превратили колонизационный флот в космическую пыль.

Итальянцы крепко обиделись. На Земле у галактов к тому времени было свое посольство, и уже через несколько дней его начали осаждать возмущенные пикетчики и просто хулиганье. Галакты не обратили на это внимания.

Итальянцы объявили им войну. Галакты и на это не обратили внимания.

Еще больше обозлившись итальянцы, ни с кем не посоветовавшись, сбросили на посольство сразу три ядерных бомбы. Галакты поняли, что от них не отвяжутся, нашли на карте Италию и превратили ее жителей в космическую пыль.

На следующий день Апеннинский полуостров предстал перед землянами чистым и свежим. Целая страна без единого жителя – только кучки одежды валяются. Ни одна травинка не пострадала, ни один хомячок, ни один турист – только сами итальянцы.

Так прекратило свое существование государство Италия...

Узнав это, Ежов сначала возмутился. Потом призадумался. В конце концов до него дошло, что если бы не галакты, земляне попросту не дожили бы до космических перелетов – было немало охотников прибрать к рукам и нашу планету тоже. В одном только двадцатом веке галакты трижды отгоняли от Земли любителей пошуровать на чужих планетах. Так что если бы не они, люди разделили бы участь папуасов Тихого океана – нас бы либо истребили в кратчайшие сроки, либо превратили в малую нацию, развлечение для инопланетных туристов.

Исполняли галакты и некоторые другие функции – к примеру, играли роль судей в конфликтах между планетами. Эдакий космический суд ООН. Только очень жесткий – тех, кто с их решением не соглашался, они со скучным видом превращали в космическую пыль. Следили, чтобы не было геноцида – ни один разумный вид не должен быть истреблен подчистую. А также охраняли экологию – всем еще помнился случай полувековой давности, когда в галактику Млечный Путь неизвестно откуда прибыл плазменный колосс размером с тысячу Солнечных Систем. В диаметре. Он бы оставил после себя след из миллионов уничтоженных звезд и планет, если бы флот галактов не встретил его прямо на входе, и... правильно, превратил в космическую пыль. Их любимый метод.

Галактов никто не любил. Собственно, большинство разумных существ их тихо ненавидели и побаивались. Но с их существованием приходилось мириться.

Как ни интересно было Ежову изучать будущее, этот процесс мог продолжаться хоть до бесконечности – со времен двадцать первого века границы человечества раздвинулись до необозримых масштабов. Поэтому он вновь вернулся к искомому объекту – Святославу Моручи.

Михаилу неоднократно доводилось искать пропавших людей. Обычно в таких случаях он начинал с того, что выяснял, кто видел пропавшего последним. В данном случае это был он сам... если, конечно, можно так выразиться. Ему лично до сих пор казалось, что искать Моручи следует в Твери двадцать первого века, но, судя по всему, попасть в прошлое все-таки невозможно. Значит, надо пробовать другие варианты.

В сейфе не нашлось ничего интересного – просто разные безделушки, частично купленные, частично наворованные там-сям. Кое что из этого было очень и очень дорогим, но помочь ничем не могло. А вот в столе отыскалось кое-что очень интересное – капитанская записная книжка. Маленький приборчик, в который Моручи надиктовывал свои мысли, когда они приходили к нему в голову. Потом их можно было прослушать или прочитать на экране.

Очень и очень устаревший прибор – в Империи такими никто не пользуется уже очень давно. Но судя по некоторым украшениям и дарственной надписи сзади, это был подарок. Памятный сувенир, который вовсе и не предполагалось использовать по прямому назначению.

Однако Святослав Степанович своим подарком пользовался, хотя не слишком часто. Записи последних дней вызвали у Ежова самый живейший интерес:

«Такое ощущение, что за мной кто-то следит. Сказать Фриде – пусть проверит.

Энрике вел себя как-то странно. Не знаю, но что-то было не так.

Интересно, зачем на таких разных планетах так срочно понадобился ценитель? Выяснить, для чего он предназначен.

На Комкре я заметил что-то подозрительное... только что именно? Так и не до конца – какой-то зуд в подсознании...

На Персефоне надо заглянуть к Оливии – может, она как-то связана?

Голова гудит. Бархат не заметил никаких отклонений – непонятно. Фрида отказывается помочь – говорит, что не хочет копаться в моих мозгах. Ей почему-то неприятно читать мысли близких знакомых. Впрочем, я ее понимаю.

Сегодня с утра посреди комнаты мерцало что-то непонятное. Может, побочный эффект гипера? Надо спросить у Рудольфа, бывает ли такое.

Снова это мерцание. Мне показалось, что на той стороне я увидел какую-то улицу. Похоже на портал.

В третий раз! Теперь все видно очень отчетливо – это какой-то средневековый город. У них там поздний вечер, почти ночь. Проехал какой-то древний механизм – все звуки отчетливо слышны. Надо позвать Ву – пусть скажет, что это такое. С той стороны кто-то идет прямо сю...»

На этом записи обрывались. Что было дальше, Михаил уже знал – это он шел «прямо сю...». Не следовало им пожимать руки, ох и не следовало... С недавних пор Ежов вообще начал испытывать к рукопожатиям подсознательную ненависть – сначала Курцов порезал палец, потом вообще какой-то кошмар...

– Зачем нужен ценителл? – спросил он у VY-37.

– Справка. Ценителл – редкий антибиотик, излечивающий некоторые виды аллергии и ослабляющий воздействие мутационных анфид.

– Понятно... А что такое Комкр?

– Справка. Комкр – планета, входящая в систему звезды Лосс. Принадлежит серранам.

– Кто такая Оливия?

– Информации недостаточно.

– А Энрике?

– Информации недостаточно.

Ежов понял это так, что VY-37 не может сказать что-то конкретное, зная только имя. Мало ли в мире людей с такими именами? Тогда он начал искать сам, надеясь, что у Моручи где-то есть и адресная книжка.

В информке нашелся некий Энрике Фредерик Галиодорос – торговец специями и медикаментами. Согласно бортовому журналу, именно от него «Вурдалак» получил свой нынешний заказ – доставку большой партии ценителла. Причем в восемь разных мест – на Комкр, Персефону, и еще шесть. Все остальные грузы на борту были взяты уже после получения этого заказа, и специально с таким расчетом, чтобы не пришлось отклоняться от курса.

Оливия Риоскэ тоже отыскалась. Весьма респектабельная пожилая дама... внешне. На самом деле она была одним из крупнейших торговцев «черными киберами». То есть – ворованными или попросту запрещенными. Именно у нее Моручи некогда купил Тайфуна – одновременно и ворованного и запрещенного.

Что самое интересное, Тайфун был частью большой партии киберов, которых Оливия получила как раз от Моручи. Он доставил их контрабандой с Хеймдалля, одной из планет Бундестага.

– Аарон Лазаревич, можно вас побеспокоить? – вошел на мостике Михаил. Кроме Койфмана там никого не было – все разбежались кто куда.

– Да, Мишенька? Выяснил что-нибудь? – как всегда ласково улыбнулся старик.

– Мне нужно в город – побеседовать кое с кем с глазу на глаз. Это можно устроить?

– Отчего же нельзя, – приятно улыбнулся дедушка. – Только надо дать тебе кого-нибудь в сопровождение – не маленький, сам понимаешь... Я, к сожалению, не могу – занят немножко. Ну ничего, сейчас подыщем кого-нибудь.

Впервые Михаил оказался за пределами «Вурдалака». Ну что ж, корабль как корабль, ничего такого уж невероятного. Орехового цвета, по форме напоминает сдавленную матрешку, лежащую на боку. Стоит на восьми коротких амортизаторах-опорах. В передней части распо-

ложены два больших каплеобразных иллюминатора, похожие на чьи-то злые глаза. За ними виднеется мостик, под ним торчат ракетные и лазерные орудия. Выходов наружу целых три – обычный пассажирский, грузовой, ведущий прямо в трюм, и шлюз – для выходов в безвоздушное пространство.

И еще есть четвертый, секретный, на крайний случай.

«Вурдалак» был сравнительно небольшим кораблем. По-настоящему крупные корабли вообще не приземляются на планеты. Само собой, бывают исключения, но обычно они просто зависают на орбите, а грузы и пассажиров спускают на посадочных ботах или телепортируют. Но «Вурдалак» в этом не нуждался – он с легкостью мог и взлетать, и приземляться самостоятельно. Тридцать девять метров в длину, двадцать шесть в ширину, двенадцать в высоту без амортизаторов. Не мелочь, конечно, но отнюдь не гигант.

У трапа деловито попискивал Тайфун, ошестинившийся дулами – стоял на страже. На него облокотилась Джина, держащая в руке зажженную сигарету. Во рту у нее тоже торчала сигарета. Сигареты были какие-то странные – очень длинные, голубого цвета, и словно бы металлические.

– Джиночка, солнышко, а где все наши? – улыбнулся второму пилоту Койфман.

– Соазсь в трюме – торгуется с заказчиками. Что-то они ему там неправильно заплатили... – равнодушно ответила Джина. – Дитирон и Дельта с ним – помогают. Косколито пошел в бар. Фрида спит. Рудольф вон, наверху сидит – царापину на обшивке нашел, латает. Бархат и Ву где-то внутри. А Остап с другой стороны – оставляет память...

– В смысле – память? – не понял Михаил.

– Тебя не касается, – деловито щелкнула его в лоб Джина. Она, похоже, даже радовалась, что у нее появился «мальчик для битья».

– Джиночка, ну как же тебе не стыдно? – ласково наступил ей на ногу старичок. – Остап, Мишенька, у нас как кот – метит все планеты, на которые прилетает.

– Ось так, – согласился берсерк, появляясь из-за левого крыла. – Ось и смачно я причал удобрив! А що вы сказали?

– А то, что Мишеньку надо бы в город доставить, – пояснил Койфман. – Мы же обещали ему помогать? Вот и надо помогать.

– Та це мы завжды! – не стал спорить Остап. – Ща катир вытащимо, та политым, куды кажешь.

– Смотри у меня, – прошипела Джина, хватая Ежова за лацканы комбинезона. Ему оставили капитанский мундир, хотя и скрепя сердце. – Ой, смотри, если сбежишь, я твой [цензура] в мясорубку засуну и буду крутить, пока брызги не полетят! А потом изнасилую!

– Интересно, как?.. – вполголоса пробормотал Михаил.

– Да уж сумею! – пообещала Джина.

Из трюмного люка, покачиваясь, вышел Остап. И Ежов моментально забыл обо всех угрозах Джинины – глаза у него чуть не вылезли из орбит. Когда великан говорил «вытащимо», он имел в виду именно то, что имел в виду. Он имел в виду...

Остап нес на плечах планетарный катер!

Три тонны! Три тонны на человеческих плечах! Его бицепсы вздулись до чудовищной величины, и сейчас он изрядно напоминал Халка из комиксов.

Только не зеленого.

– Остапчик, опять придуриваешься? – неодобрительно посмотрел на это Койфман. – Смотри, лопнет скоро какая-нибудь мышца, даже Бархат не вылечит...

– Та ни боись, Койфман, ни лопне! – весело прокричал Остап, сгружая катер с плеч. – Я нирушимый!

– А вот катер наверняка поцарапал! – обозлилась Джина, осматривая свое сокровище. – Ты, бугай тупой, ты можешь просто выкатить катер?! Там же полная механизация, дубина!

– Та ну, так гирише, – пожал плечами гигант. – Ну шо, Кроу, твоя улюблена играшка тут, добре? Сядай до керму, та газуй скоріше.

– Сейчас, погодите, договоримся, – Койфман пошел к стоящим неподалеку и с большим любопытством наблюдающим за всей этой кутерьмой мужикам в серебристо-серой форме.

Космопорт Персефоны был очень большим. Собственно говоря, вся Персефона представляла собой один огромный космопорт. Точнее, бизнес-центр СОП. На Деметре, столичной планете Союза Объединенных Планет, насчитывалось четыре миллиарда жителей. На ее спутнике Персефоне – два миллиарда. И это при том, что Деметра даже немного больше Земли, а Персефона более чем вдвое меньше Луны. Конечно, ее давным-давно подвергли терраформированию, создали искусственную атмосферу и увеличили гравитацию, но прибавить полезной площади не получалось никоим образом. Персефона представляла собой огромный человеческий улей.

Таможенный сбор «Вурдалак» уже заплатил, но чтобы отправиться в город, нужно было получать отдельное разрешение – на СОП господствовала мощная бюрократия. В космопорте имелись бары, торговые заведения и прочие интересные места – этого вполне хватало, если приземлился всего на несколько часов. Вон, Косколито сейчас как раз и сидел в ближайшем баре, накачиваясь самым дешевым виски. У серранов другой обмен веществ, поэтому виски (и именно самого низшего сорта) для них подобно изысканнейшему напитку. Конечно, они этим всю пользуются.

Торг продолжался недолго. Койфман, не прекращая улыбаться, очень быстро убедил таможенников выдать пропуск в город на три лица, несколько темно-красных бумажек (СОПовские кредиты, печатаемые на специальном сверхтонком пластике) перешли из рук в руки, и старик вернулся обратно.

– Джиночка, пиф-паф придется оставить здесь, – деловито конфисковал у нее игольники он. – С ними тебя не выпускают. И тот, что в лифчике – тоже сдай.

Джина сделала вид, что не понимает, о чем идет речь.

– Джиночка, не заставляй меня тебя обыскивать, – сделал умильное лицо Койфман. – Я-то не против, но вот ты вряд ли обрадуешься...

– Да на, подавись, старый хрыч! – оскалилась стерва.

– Вернется капитан – все ему про тебя расскажу, – расплылся в улыбке престарелый ябедник. – Ладно, Мишенька, в добрый путь. Только надолго не задерживайтесь – у нас маршрут. Если мы из-за тебя опоздаем доставить следующий груз, Соазссь тебя своими щупальцами задушит...

Глава 4

– Шах и мат, – передвинул ферзя Святослав.

Денисов некоторое время смотрел на доску, а потом перевернул ее, взяв себе белых.

– Давай-ка еще разок, – потребовал он.

– Я выиграл девять раз – может, хватит? – хмыкнул Моручи. – Ты абсолютно уверен, что отсюда нет выхода?

– Курить будешь? – вместо ответа вытащил из подушки две сигареты Денисов. – Последнее!

– Никогда не увлекался, – рассеянно ответил Моручи.

– Ну смотри. Тут, вообще-то, курить не разрешают – я контрабандой протащил... – спрятал одну сигарету обратно воришка. – Ладно, блин, ща я тебя все-таки обматерю!.. ну типа мат поставлю...

Пока Николай заново расставлял фигуры, Святослав в очередной раз попытался раздвинуть решетки на окне. Однако сварили их на совесть – они не поддавались даже стальным мышцам урожденного имперца. Да если бы и поддались – их палата располагалась на пятом этаже, а потолки в доме для умалишенных были высокими. Прыгать с двадцати пяти метров – не самое умное решение.

Моручи уже больше суток ломал голову над двумя вопросами – как сбежать из больницы и как вернуться домой? Первый вопрос волновал его не очень сильно – рано или поздно способ сбежать найдется. Необязательно же через окно... Только вот смысл? Куда ему бежать-то? Здесь хотя бы кормят... Поэтому он решил оставаться здесь, пока не придумает способа вернуться домой. С точки зрения логики, если он как-то попал сюда, значит как-то можно и вернуться обратно... только вот как?

– Завтра братан мой заглянуть должен, – лениво сообщил Денисов. – Попросим его тебя вытащить – он может... если захочет. Придется расплачиваться... или отрабатывать. Тебе что больше нравится?

– Пока что не имеет смысла, – потер лоб Моручи. – Ты абсолютно уверен, что у вас нет ни одного ментата?

– Да заколебал уже, блин! – вспыхнул Денисов. – Десятый раз спрашиваешь! Отвечаю – есть всякие бабки-шепотухи, целители кармы и астрологи. А таких, чтоб мебели взглядом двигали... может и есть где, но я не знаю!

К Моручи подошел Горец, уставился на него и широко открыл рот. Из него закапала слюна.

Горца освободили от рубашки еще вчера – у него наступило некоторое просветление, и он перестал буянить. Против освобождения Моручи врачи тоже не возражали – он вел себя тихо. Ему даже вернули его одежду... точнее, не его, а Ежова. Местный главврач придерживался мнения, что больничные халаты плохо влияют на пациентов, а посему нужно позволять им ходить в нормальной одежде.

– В прошлом году я видел рыжего человека, – задумчиво сообщил сумасшедший. – Он был рыжий.

– Не спорю, – кивнул Святослав, разворачивая Горца в противоположную сторону.

Теперь псих уставился в стенку. Смотрел он на нее так же внимательно, как и на Моручи.

– Юноша, а вы сдали контрольную по неорганическим соединениям? – въедливо поинтересовался незаметно подкравшийся сзади Химик.

– Сдал, учитель, все сдал, – развернул и его Моручи. – Прimitивное общество – даже сумасшедших лечить не умеете...

– Ну простите нас, грешных, – пропищал Николай. – Эй, Жека, пути размыло, обрыв впереди!

Маленький псих ужасно забеспокоился, начал бегать по палате и оглушительно пыхтеть. Натолкнулся на Химику и сбил его с ног. Тот задел Горца. Горец задумчиво плюнул ему на макушку, продолжая смотреть в стенку.

– Отстань ты от него, – брезгливо поморщился Моручи, снова погружаясь в свои мысли.

Прошло еще полчаса. Кук уныло порыкивал, пытаясь освободиться от рубашки, Строитель тихо сидел в уголке и возился с кубиками, Василий Иванович восседал на подушке и о чем-то думал, подопря голову обеими руками. Химик и Горец хвостиком ходили за вышагивающим по палате Моручи – им было интересно. Жека-Паровоз продолжал громко пыхтеть, время от времени выкрикивая «ту-тууу!».

– По койкам! – приказал вошедший врач. – Виктория Сергеевна пришла!

– О, будут бананы! – обрадовался Денисов, быстро пряча шахматную доску и незаметно затаптывая бычок босой пяткой.

Святослав неохотно уселся на свою койку. Остальные психи тоже – имя Виктории Сергеевны прочно ассоциировалось в их мозгах с вкусными вещами. Только Строитель не прореагировал, продолжая строить домик из кубиков.

– Добрый день, товарищи больные! – просюсюкала появившаяся на пороге дама. – Как мы себя сегодня чувствуем?

Виктория Сергеевна оказалась рослой теткой с богатырскими плечами и слоновьим животом. За ее широченным силуэтом тоскливо болтался водитель, нагруженный пластиковыми пакетами с фруктами, унылого вида телохранитель и девица лет семнадцати – похоже, та самая дочь, о которой так тепло отзывался Денисов.

Действительно, довольно миленькая. Однако на ее лице не было ничего, кроме всепоглощающей скуки – кому понравится, когда ненормальная мамаша ежедневно таскает тебя по дурдомам и домам престарелых, совершенно не спрашивая твоего согласия? Ну хочется ей кого-то облагодетельствовать, так пусть просто перечисляет средства благотворительным организациям – нет, обязательно надо вручать подарки лично!

– Да у нас новенький! – обрадовалась Виктория Сергеевна, завидев Святослава. Похоже, данное лечебное заведение она считала своей личной вотчиной, наизусть знала всех пациентов и искренне радовалась прибавлению их числа. – А как нас зовут?

Святослав ничего не ответил.

– Это Слава, очень хороший пациент, – представил его врач. – Ведет себя хорошо, не капризничает, не буянит.

– Замечательно... – ласково погладила Моручи по голове Виктория Сергеевна. Имперец посмотрел на нее глазами льва в капкане, но смолчал. – А ты, Коленька, хорошо себя ведешь?

– Ой, Виктория Сергеевна, ближе не подходите – разобьюсь, блин, на хрен! – дурным голосом завопил Денисов.

Благотворительнице это очень понравилось – она любила забавных дурачков. Денисову она дала целый пакет персиков и два банана, а вот неразговорчивому Моручи достался один жалкий абрикос.

Святослав стряхнул с себя ее руку и направился к дверям – ему что-то послышалось. Он встал там и некоторое время прислушивался к звукам. Доктор, гости и психи смотрели на него с любопытством – всем было интересно, что он еще выкинет. И Моручи не обманул их ожиданий – он метнулся к своей койке и залез под нее, закрывшись покрывалом, как занавеской. Покрывало, кстати, попалося дрянь – зеленое, колючее и очень грязное.

– Че там? – опустил к нему Николай.

– Тихо! – прошипел Моручи, настороженно зыря из-под кровати зелеными глазами. – Кажется, все хуже, чем я думал...

– Здравствуйте, доктор, – пробасил вошедший в палату.

Мужчина высокого роста, худой, с чуть крючковатым носом, в черном пиджаке. За ним в палату вошли еще двое – в милицейской форме. Оба здоровые, как шкафы.

– Е-мое! – присвистнул Николай, невольно съезживаясь. – Мусора! По мою, что ли, душу?

– Нам нужен некий Святослав Моручи, – вежливо сообщил начальник, протягивая врачу какую-то бумагу. – Вот, пожалуйста, все по форме.

– Даже не знаю... – засомневался тот. – Он, вообще-то, болен...

– Он опасный преступник, доктор, – сурово посмотрел на него начальник. – Простите, не представился: майор Громенко, вот мое удостоверение.

– ФСБ? – опасливо взял корочки врач. – Ну тогда, конечно... забирайте... Слава, ты где?

– Блин, менты тебя забирают, – грустно посмотрел на него Денисов.

– Это не менты! – прошептал Моручи. – Я не знаю, кто, но точно не менты!

Сообщив это, он выкатился из-под кровати со скоростью ежика-спринтера, выпрямился во весь рост и прыгнул на ближайшего «милиционера», метя ему в челюсть. Отшвырнул его и тут же развернулся ко второму, бросая его на пол каким-то хитрым приемом. Вмешался их главный, и тут же получил под ребра.

Однако эти трое тоже были профессионалами, да к тому же вооруженными. Через пару минут Святослава все-таки одолели, скрутили и приставили ему к затылку пистолет.

– Слава, ну что же ты так? – грустно покачал головой доктор. – Надо, братец, тут уж ничего не попишешь... Товарищ майор, может, мне позвонить в наш участок? Аркадий... лейтенант Погорелов просил сообщать, если что...

– Не нужно, – отмахнулся майор, потирая стремительно синеющий фингал. – Сами как-нибудь разберемся.

– Говорю вам – это не милиция! – пытался вырваться Моручи. – Это самозванцы!

– Слава, успокойся, тебе вредно нервничать, – укоризненно посмотрел на него доктор.

– Сейчас, успокоим, – пообещал Громенко. – Ну-ка, взя...

И запнулся на полуслове – ему в спину уткнулось пистолетное дуло. Денисов, опытный карманник, прикидывающийся психом, сумел незаметно подобраться сзади и вытащить оружие из кобуры майора.

– Коля, прекрати сейчас же! – возмущенно закричал на него доктор.

– А ну-ка всем стоять, бояться! – на редкость противным голосом заверещал Николай. – Я дурак, я вас щас всех замочу, и мне ниче не будет! Руки, можно сказать, прочь от капитана!

Мужики посмотрели на начальника.

– Делайте, – неохотно кивнул тот.

Хватка разжалась, и Святослав немедленно саданул по шеям обоим своим конвоирам, одновременно опустошая их кобуры (ну хорошо – почти одновременно). У каждого на бедре висело по такому же пистолету, как у Громенко.

Потом Моручи деловито вырубил телохранителя Виктории Сергеевны, дернувшегося было помочь правоохранительным органам, врезал для острастки шоферу и с каким-то особым наслаждением пнул в зад перетрусившего доктора, попытавшегося залезть под кровать.

– Бери заложника и сливаем отсюда! – крикнул он, выбивая дверь ногой. Чисто по инерции – она все равно была открыта. – Двигай, двигай, двигай!

Пожилая нянечка испуганно охнула и осела на пол. Пузатый медбрат уронил кучу уток, сложенных стопкой. Молоденькая докторша в ужасе закрыла глаза.

А как же иначе, если по коридору сломя голову несется здоровенный косоглазый детина с пистолетом в каждой руке, вышибая каждую вторую дверь на своем пути? Моручи искал телепорт... или хотя бы лифт. Ему просто не могло прийти в голову, что в этом доме, построенном еще в сороковые годы, просто нет ничего, кроме лестницы.

Потом он вспомнил, что телепортацию живых существ откроют только через полтора столетия, а использовать ее в быту вовсе начнут только в конце двадцать девятого века, и все-таки начал разыскивать лестницу.

В конце концов он ее нашел. Внизу, в приемной, сторожили еще два парня в милицейской форме, но они даже не успели ничего сообразить. Космический капитан со свистом съехал по перилам и буквально свалился им на головы, моментально вырубив обоих. А потом вылетел на улицу.

– Вы что, с ума сошли?! – раздался сзади него тонкий голосок.

Моручи обернулся и едва удержался, чтобы не пристрелить Денисова. Воришка тащил с собой Марину – дочь Виктории Сергеевны. К ее виску он приставил пистолет, но как-то очень нежно, почти ласково.

– Ты что делаешь, лажер?! – крикнул Моручи, одновременно рыская глазами по тротуару. – Я тебе какой приказ дал?!

– Взять заложника, – невозмутимо ответил Николай.

– Я приказал взять того майора... а-а-а, что уж теперь!

Святослав заметил подходящую машину и прыгнул прямо на капот. Водитель ударил по тормозам, новенькая «девятка» чудом не врезалась в столб.

– Вылезай! – рявкнул Моручи, вышвыривая мужика наружу. Тот, увидев пистолет, особо и не сопротивлялся. – Отпусти ее и садись!

– Э, нет, блин, ни хрена, нам заложник нужен! – заупрявился Денисов. – К тому же я давно хотел...

– Только попробуй – шею сломаю! – сверкнул на него глазами Святослав. – В Империи за изнасилование полагается смертная казнь через кастрацию!

– О как, блин! – опешил Денисов. – Беспредел, в натуре! Слышь, а это разве смертельно?

– Отрезают и оставляют истекать кровью, – рассеянно ответил Святослав, разбираясь с приборами. – И не отвлекай меня!

Водитель успел дать деру. Ключей в замке зажигания не было – непонятно, когда он умудрился их вытащить, ибо у него было всего несколько мгновений, но, похоже, все-таки успел. Моручи выломал панель и начал копаться в проводках, бормоча что-то нелицеприятное о первобытной технике.

– Ты точно умеешь? – забеспокоился Денисов, бросая опасливые взгляды в сторону психбольницы – сквозь стекла вестибюля было хорошо видно, что вниз уже бегут поверженные Святославом менты. А те, что сторожили внизу, тоже начинают подниматься на ноги...

– Примитив! – ругнулся Моручи, связывая проводки. – Есть, готово!

– Быстро! – оценил Николай, когда «девятка» послушно заурчала.

– Лучше меня в технике только Рудольф... о Аллах!

Машина поехала очень быстро. Только не вперед, а назад – Святослав по неопытности врубил заднюю передачу. Он быстро исправился, но теперь она начала выписывать дикие вензеля – капитан никак не мог разобраться с педалями.

– Примитивная планета, примитивная техника и люди какие-то примитивные... – ворчал он, буквально на ходу обучаясь управлению автомобилем.

– Дай я, дай я! – настаивал Денисов. Но потом успокоился – всего через несколько минут Моручи освоился, и теперь машина шла спокойно и уверенно, как будто он всю жизнь водил только такие авто. – А ты точно не умел раньше?

– В вождении лучше меня только Косколито! – отмахнулся капитан, пересекая перекресток прямо на красный – он, разумеется, не знал здешних правил. – Я вожу все, что может двигаться! А теперь говори, куда ехать – я же здесь не знаю ни бата! Может, к твоему брату?

– Не, ты че, там меня в первую харю искать начнут! – испугался Николай. – Эх, и че мне не сиделось в дурдоме? Кушал бы щас персик... Ты пока езжай, куда глаза зырят, а там посмотрим.

Моручи обернулся посмотреть, как себя чувствует заложница. Девчонка сидела ни жива, ни мертва. Он притормозил у края тротуара, распахнул дверь и приказал:

– Выходи.

– Вы меня убьете?! – в ужасе расширились ее глаза.

– Нет, просто выходи. И... и мои извинения, что так получилось.

– Ты че, капитан, нельзя ее отпускать, она нас сдаст! – возмутился Денисов. Он сам не заметил, когда начал называть Моручи капитаном.

Марина вышла на тротуар, и тут из-за поворота вылетела еще одна машина, битком набитая людьми. Оттуда открыли огонь – несколько пуль чиркнули по асфальту. Девчонка завизжала и юркнула обратно в «девятку» – другого укрытия поблизости не было.

– А, шайтан! – резко газанул Моручи. – Догнали-таки, зумеры!

– Странная какая-то пушка, – посмотрел в крошечное дуло Денисов. – Водяной пистолет, что ли?!

– А ну, дай сюда! – отнял у него оружие имперец. – Это квантовый ди-кольт TN-74 – стреляет разрывными снарядами диаметром в несколько молекул. Видишь энергизатор?

Продолжая левой рукой рулить, правой он снял панель в верхней части рукояти и продемонстрировал Николаю то, что там находилось – нечто, напоминающее крохотную пальчиковую батарейку. Она переливалась разными цветами и еле слышно потрескивала.

– Квантовое оружие на Земле изобретут только в двадцать четвертом веке, – сообщил он, пряча оружие в карман. – А энергизаторы – в тридцать первом. Теперь понял, как я узнал, что это не настоящие менты? Уж в оружии-то я разбираюсь!

По багажнику чиркнуло несколько пуль – преследователи продолжали вести огонь. По колесам они почему-то не стреляли.

– Блин, как бы они бензобак не пробрили... – опасливо пригнулся Денисов. Мимо его уха просвистело что-то невидимое – пули были крошечными, но безобиднее от этого не становились. Однако стекло от попаданий не разбивалось – в нем только оставалась дырочка. Совсем крошечная, еле заметная.

– Бензо-бак?! – ужаснулся Моручи. – Ты хочешь сказать, что эта колымага работает на бензине?!

– А на чем же еще?

– Бензин же горит! – возмутился Святослав. – И взрывается! Аллах, нация самоубийц... Ну-ка, поддержи руль!

Моручи высунулся в окно и начал палить в преследователей. Квантовое оружие стреляло почти бесшумно, с одним только тихим свистом.

– Бей по шинам! – крикнул Денисов.

Святослав перевел ди-кольт ниже и моментально попал – шина лопнула, и машину унесло в сторону. Она вылетела с мостовой, пропахала тротуар и замерла у газетного киоска.

– Блин, капитан, да ты снайпер! – хлопнул его по плечу Денисов.

– Лучше меня стреляет только Койфман! А тут еще техника примитивная – даже колеса не бронированы...

– А у вас там че, бронируют?

– Да у нас вообще колес давно не делают... – рассеянно ответил Моручи. – Антигравы, силовики... а колеса – каменный век... А если все-таки делают, то обязательно бронируют, а как же!

Заехав за угол, Святослав резко затормозил и вылез из машины.

– Быстро за мной! – приказал он. – Надо сменить транспорт, а то засветимся!

На любую Олимпиаду такого бегуна взяли бы с закрытыми глазами – Моручи вполне мог побить мировой рекорд. Когда Николай его догнал, он уже успел отыскать чью-то «Ниву», отключить сигнализацию, сломать замок и завести мотор.

– Ну ты бегаешь! – запыхавшись, крикнул Денисов.

– Быстрее меня только Джина... а ее ты зачем тащишь?!

Николай по-прежнему держал за руку совершенно отупевшую Марину. Он и сам уже толком не мог объяснить, почему до сих пор волочит за собой эту девчонку.

– Сударыня, приношу свои извинения за беспокойство, вы можете идти на все четыре стороны, – с максимальной вежливостью сказал Моручи. – Да отпусти ты ее!

– Блин, а че ты раскомандовался?! – возмутился Денисов.

– Я капитан! – дал ему понюхать кулак-дыньку Моручи. – Чуешь, чем пахнет? Какое у тебя звание?

– Сержант, – неохотно ответил Николай. Службу в армии он вспоминать не любил – он и туда пошел только для того, чтобы спрятаться от отсидки. Впрочем, безуспешно – всего через месяц после дембеля таки загремел на нары и просидел там почти столько же, сколько и в войсках. – Ладно, капитан, командуй, блин... Е-мое, ну ты силен, мужик! – присвистнул он, заметив выломанный замок.

– Сильнее меня только Остап. Давай, загружайся, надо качать отсюда поразгоннее!

– Жаргон у тебя странный, – заметил Денисов, запихивая на заднее сиденье заложницу.

– Да отпусти ты ее! – наверное, в тысячный раз потребовал капитан, впрочем, не обращая внимания на явное игнорирование приказа. – Придумал, куда ехать?

– Придумал, – кивнул Николай, роясь в бардачке. – Давай за город, на пятый километр. Там Александровка, а потом еще дальше... ну, сориентируемся. У меня там у одного кореша дача... он сейчас на Канарах, так что против не будет.

– За Александровкой самые паршивые дачи в городе! – не выдержала Марина. – Если он разъезжает по Канарам, мог бы что-нибудь и получше купить!

– Ну не буквально на Канарах... – хихикнул Денисов. – На нарах. Прикол такой. Да ему еще год чалиться, он против не будет! Давай, капитан, заводи свою машинерию!

Моручи и без его напоминаний давно гнал автомобиль, выжимая все, что можно. Денисов только успевал говорить, куда сворачивать.

– Как бы на гаишников не нарваться... – пробормотал он. – Накаркал!

Одинокий милиционер на перекрестке возмущенно расширил глаза, когда мимо него пронеслась «Нива» километрах так на ста сорока. Он истерично засвистел, но Моручи высунул голову в окно, бешено зыркнул, и свисток выпал изо рта.

Регулировщик стоял соляным столпом, а в его глазах поселился мир и покой...

Через несколько минут он пришел в себя и удивленно заморгал. Машина, превысившая скорость, куда-то непонятным образом исчезла. Да и вообще машины и люди вокруг успели смениться – как будто он на некоторое время выпал из происходящего. Молодой сержант немного подумал, и решил, что надо будет завязывать с пьянками.

На какое-то время...

– Снова будем менять машину – эта опять засветилась, – хмуро сообщил Святослав, выезжая за город по Бежецкому шоссе.

– А не гнал бы так, и не засветились бы, – огрызнулся Денисов, включая сидюшник. – О, моя любимая! Владимирский централ, ветер северный...

Моручи некоторое время слушал, а потом продемонстрировал Николаю самый что ни на есть современный жест – оттопыренный вверх большой палец.

– Мне нравится! – одобрил он.

– Еще бы! Это всем нравится!

Дослушав песню до конца, Денисов нажал на кнопку повтора. Но в технике он разбирался примерно так же, как заяц-русак в молекулярной химии, а потому перепутал кнопки и диск выскочил наружу.

Пока воришка, громко чертыхаясь, загонял диск Михаила Круга обратно, включилось радио. И в нем кто-то запел что-то про то, как повезло его невесте.

– Оставь, оставь! – возбужденно запищала Марина с заднего сиденья. – Это же Лагутенко, я его обожаю!

– Да ну его... – сморщился, как от кислого граната, Денисов. – Капитан, тебе как?

Святослав некоторое время слушал, а потом недоуменно спросил:

– Это у меня что-то со слухом, или он действительно думает, что поет? Или это пародия?

– Да понимал бы что, псих тупой! – бешено заверещала раскрасневшаяся Марина. Глаза у нее засверкали так, что стало ясно – с трудом удерживается, чтобы не вцепиться капитану в горло. Ей только что плюнули в самое святое место – в группу «Мумий Тролль». – Сам спой лучше, дурак!

Святослав послушно оторвал одну руку от руля, почесал адамово яблоко, и выдал несколько тактов. Ко всеобщему удивлению, у него наличествовал хороший музыкальный слух и очень приятный баритон.

– Сносно... – смущенно признала Марина. – На Меркьюри похоже... немножко...

Потом девчонка вспомнила, что она, вообще-то, заложница, и снова сжалась в комочек на заднем сиденье.

Моручи остановил «Ниву» на глухом участке шоссе, выгнал из нее пассажиров, а потом столкнул в кювет, и выстрелил. Прицельно выстрелил – точно в бензобак.

Взрыв был не самым сильным. В общем-то, вообще не взрыв. Машина просто вяло загорелась.

– Теперь притаились и ждем, – приказал Святослав, отойдя от машины метров на пятьсот и улегшись в канаву. – Сударыня... как вас зовут?

– Марина, – обиженно ответила заложница. – Лапшина.

– Полагаю, вам многое непонятно из того, что вы видели за последнее время? – для порядка поинтересовался Святослав.

– Все понятно, – хмыкнула девушка. – Чего тут непонятного?

Моручи и Денисов удивленно переглянулись.

– А что именно вам понятно? – осторожно уточнил Святослав.

– Вы два психа, сбегали из дурдома. Прямо на моих глазах. Теперь вас ищет милиция. И найдет! А менты – козлы, даже в заложников стреляют!..

– В принципе, правильно, – не стал ее разубеждать Моручи. Он вообще старался не вспоминать, как по-идиотски себя вел пару дней назад, когда только попал сюда. – Надо было брать того майора... или хотя бы рядового. Они либо оттуда же, откуда и я, либо... либо кто-то их снабдил этим оружием. В любом случае они что-то знали.

– Ну, все мы задним умом сильны, – пожал плечами Денисов. – А че мы тут лежим? Я жопу отморозил...

– Не ври, сегодня тепло, – шмыгнула носом Марина.

– Сударыня, вынужден попросить вас встать на дороге и остановить нам какую-нибудь машину, – попросил Моручи.

– А если не буду? – взбрыкнула заложница.

Капитан молча сунул ей под нос свой огромный кулак. Моручи был галантен с дамами, но только когда это не мешало основному делу.

– Сволочи... Психи чертовы... – всхлипывала девушка, стоя на краю дороги с поднятой рукой.

Она ужасно надеялась, что первыми мимо проедет милиция... а лучше танк. Но первой проехала самая обычная «шестерка» с самым обычным дачником, возвращающимся на работу после выходных (был понедельник). Он увидел на дороге симпатичную девчонку и, разумеется, остановился.

А что, трудно, что ли? Девушка совсем молодая, явно недавно школу закончила, смазливенькая, и одета легко – топик и шорты (было довольно жарко). Даже если ничего интересного и не обломится, в компании ехать всяко приятнее, чем одному.

– До города? – весело спросил мужичок, открывая дверцу.

– Гоните быстрее! – завопила Марина, запрыгивая внутрь, но было уже поздно.

Из кювета взметнулся Моручи, одним прыжком подлетел к водительскому месту, резко распахнул дверь, чуть не вырвав ее с корнем, и саданул мужика ребром ладони по шее. Тот клюнул носом и отключился. Машина громко завопила – водитель уткнулся прямо в кнопку сигнала.

– Сбежать от нас решила, краля? – недобро прищурился вылезший следом Денисов. – А вот не вышло!..

Святослав деловито вытряхнул бедного дачника наружу и так же деловито обшмонал его, конфисковав деньги, водительские права, калькулятор, носовой платок и даже случайно оказавшийся в кармане игральный кубик. Все-таки «Вурдалак» был не просто торговцем, но и наемником, и даже иногда (хотя и очень редко) пиратом. А излишней щепетильностью Моручи никогда не страдал.

– Садись за руль, веди к своей даче, – приказал он Денисову. Потом задумчиво посмотрел на Марину и начал медленно поднимать пистолет.

– Псих проклятый! – выкрикнула ему девчонка, которую уже просто колотило от ужаса. – Чего тебе надо?!

– Мне – ничего, – мрачно ответил имперец. – Но вы видели мое лицо, сударыня, и вы знаете, куда мы направляемся.

– Сдаст, однозначно, – подтвердил Денисов, ковыряясь в радио «шестерки». Он прихватил с собой диск с любимым Кругом, но в этой колымаге такого проигрывателя не было.

– Не сдам, честное слово, не сдам! – взмолилась Марина. – Ну хотите, мамой поклянусь, что ни слова не скажу?!

– Да какая разница? – пожал плечами Моручи. – Просканируют мозг, и все узнают... и только не говори, что ты ментатка – не поверю!

– Капитан, ну ты до сих пор не въехал, что ли? – нетерпеливо посмотрел на него Денисов. – Ну нет у нас еще этих ваших штучек-дрючек, не изобрели!

– Шайтан, опять забыл... – чертыхнулся Святослав. – Все равно риск. Вот что – поедешь с нами, лишний заложник все равно не помешает.

Марина бессильно застонала. А мама говорила – бедные люди, бедные люди, никто их не жалеет, никто не кормит... Вот они – ваши бедные люди! Психи – они и есть психи... хорошо, если удастся живой вырваться.

– Садись, я сказал! – запихнул ее на заднее сиденье Святослав. – Давай, сержант, жми на педаль!

Дача знакомого Денисова оказалась дряхлым разваливающимся домиком на крохотном участке. Комнат ровно две: небольшая спальня, в которой с трудом помещалась железная кровать, комод и тумбочка; и кухня – стол, шкафчик и престарелый холодильник.

Из еды там был только окаменевший помидор в морозилке.

Участок и того хуже – нищенские шесть соток, засаженные почти исключительно бурьяном. Возле забора росло несколько тошненьких помидорных кустов, а за домом виднелась пара рядков одичавшей клубники. Да еще здоровенная яблоня, единственным плодом на которой оказался старый ботинок, застрявший в ветвях.

Хотя других яблок в мае и не бывает.

С замком Денисов справился быстро – все-таки он был не только карманником, но и домушником. И с неплохим стажем.

Моручи окинул взглядом хату, а потом посадил Марину в комнату и запер ее там, подопря ветхую дверь тем самым холодильником. Заложница немедленно начала вопить и стучать в дверь ногой. Капитан без особого труда отодвинул холодильник, открыл дверь и в очередной раз применил свой любимый способ показать, кто тут главный: сунул Марине кулак под нос.

Когда он снова запер дверь, заложница уже не протестовала.

– Слушай задание, сержант, – приказал Святослав Денисову. – Здесь где-нибудь есть овраг или озеро какое-нибудь?

– Прудик есть... только грязный очень, почти что болото.

– Еще лучше. Отгонишь туда машину и утопишь. Что с соседями?

– Да алкаши одни, – отмахнулся Николай. – Разве ж нормальный человек в этом районе отдыхать станет? Бомжи да алкаши...

– Пьянство – грех, Аллах против спиртного, – нравоучительно заметил Моручи. Он сам вот уже целых двенадцать лет был абсолютным трезвенником, хотя большинство остальных законов ислама нарушал без особых угрызений совести. – Информа, я так понял, здесь нет... да и вообще у вас еще нет инфосферы... А хоть какая-нибудь электроника существует? Телевизоры хотя бы есть?

– Обижаешь, капитан! У нас и компьютеры есть, и микроволновки...

– Вот это как раз очень хорошо, – оживился Святослав. – Микроволновая печь мне пригодится. Я тебе сейчас напишу список, достанешь мне всяких электроприборов... хотя нет, лучше я сам. Одежда здесь есть другая? И что-нибудь для маскировки?

– Парик, что ли? Э, слушай, капитан, а может нам лучше разбежаться в разные стороны, а? Я тебе эту дачу оставляю, живи, сколько хошь... хотя она все равно не моя.

– Разговорчики, сержант! – гаркнул Моручи.

Денисов невольно вытянулся в струнку – командные интонации у космического капитана были поставлены что надо.

– Кругом! Машину отогнать! Утопить! Доложить! Исполнять, сержант!

Николай все сделал, как надо. Хотя порядком задержался – он не был в этих местах уже года три, и информация слегка устарела. Прудик засыпали, и похоронить там автомобиль не удавалось никак. В конце концов он разыскал глубокий овраг, и столкнул «шестерку» туда.

Вернулся на хазу Денисов только часов через шесть, причем ужасно устал – обратно идти пришлось пешком. О том, чтобы сбежать от капитана, он уже не помышлял – что-то ему подсказывало, что Святослав не из тех, кто прощает дезертиров. К тому же с напарником всяко надежнее... особенно если в напарниках такой вот мастер на все руки, профессиональный боевик.

За то время, что он отсутствовал, ситуация очень изменилась. Моручи сидел на веранде, обложившись невесть где раздобытыми инструментами, и раскурочивал старый телевизор. Раньше на даче телевизора не было. Еще перед ним лежал не менее дряхлый радиоприемник, микроволновая печь без дверцы, мотор холодильника, сломанная пополам игрушка «Тетрис», электронный будильник и один из квантовых ди-кольтов, разобранный до основания. Энергизатор лежал на расстеленном платке, и к нему уже были прикреплены какие-то платы и проводки.

С кухни чем-то очень вкусно пахло. Там стояла заплаканная Марина и с поджатыми губами жарила на электроплитке колбасу. Плитки на даче тоже раньше не было. На столе лежали две буханки хлеба, пакет с сахаром, пакет с гречкой, пакет с рисом, пачка соли, батон колбасы, два свежих карася и кучка сушеных селедочек.

Но что удивило Денисова сильнее всего – новенькая машина, стоящая во дворе. Синяя «Волга» в безупречном состоянии. Только номеров не хватало.

Да уж, капитан времени даром не терял...

– Почему так долго? – хмуро поинтересовался Моручи, шипя паяльником. – Я уж думал, тебя застреймили, хотел идти вытаскивать...

– Возникли непредвиденные обстоятельства, блин... Капитан, а ты где так отоварился? Сельмаг ограбил?

– Да, – коротко ответил Моручи. – Только не сельмаг, а дом. На другом конце поселка. Большой такой, каменный.

– Капитан, нельзя воровать там, где живешь, – упрекнул его Денисов. – Заметут же!

– Там была табличка «Продается». Значит, скоро не хватятся. А еду я купил в магазине.

– Ясненько. Че за агрегатор будет?

– Дешифратор континуумного кода. Простенькая штуковина – даже с вашей примитивной техникой все должно получиться. Я должен проверить одну гипотезу... чепуха, конечно, но другого объяснения у меня просто нет... Раз ты вернулся, слушай новый приказ. В технике разбираешься?

– Да ни хрена, – хихикнул Николай. – Ратор от стотора не отличу.

– Плохо, сержант. Знаешь кого-нибудь, кто хорошо разбирается?

– Ум-гм... – напряг извилины Денисов. – Эдуардыч... Толик-хакер. У него кукушка на этих железках.

– Хорошо...

– Маринк, а ты че там делаешь столько времени? – отправился на кухню Денисов. – Я, блин, хавать хочу, колбаса скоро пожарится?.. О, а это у тебя че за зверюга? Где взяла?

– Это кошечка... – умиленно погладила приبلудившееся животное девушка. – Я ей колбаски дала... Видишь, какая толстая – у нее скоро котятка будут...

Рыжий кот оторвался от колбасы и очень обиженно посмотрел на Марину. Если бы он умел говорить, то обязательно бы сказал, что «толстый» и «беременный» – не синонимы.

– Сержант, подойди на минутку! – крикнул Моручи. – Вот этот адрес знаешь?

Николай посмотрел на протянутую рекламку. Тренажерный зал «Витязь». Конечно, он его знал – раньше ведь работал на Иванихина, а тот частенько туда захаживал. Любил мужик это дело.

Работа на Иванихина Денисову нравилась. Не слишком пыльно и хорошие деньги. А вот Третьяков, гнида, всю старую гвардию разогнал. Многих даже сдал ментам – Третьяков всегда работал и нашим, и вашим.

Если бы братан-ювелир не организовал ему дурку, пришлось бы и Денисову переезжать на нары. А может, и того хуже – на Кольку-Хорька у Третьякова был особенный зуб, так что могли и... Денисов передернулся, вспомнив, что сделали с Варенниковым, больше известным под именем Пистон. Он работал у Иванихина кем-то вроде пиротехника... и закончил очень нехорошо.

– Нашел за подкладкой, – пояснил Моручи. – Это явно принадлежало тому, кто... ну, в общем, тому, на месте кого я оказался. Ежов, кажется. Помнишь, я тебе рассказывал...

– Хренотень какая-то творится, капитан, – поскреб в затылке Денисов, дегустируя колбасу и заедавая ее горбушкой. Жрать хотелось зверски. Марина слушала их разговор молча, но со все более нарастающим вниманием – похоже, до нее начинало доходить, что они, как минимум, очень необычные сумасшедшие. – Я че-то так и не понял, как это так – вы просто пожали руки, и гоп, поменялись местами? Повезло, что одежда подошла – размерчик у тебя редкий...

– Вот именно! – воскликнул Моручи. – Одежда этого Ежова сидит на мне, как влитая! А ведь я сам ничуть не изменился... ну, разве только если весы и линейки изменились вместе со мной. Лицо прежнее. Все точно такое же, как раньше... до самых мелких деталей...

Почему-то глаза Николая и Марины одновременно поползли вниз.

– Да, даже эти детали! – огрызнулся Святослав. – И вот скажи – может ли это быть простым совпадением, чтобы у меня и того человека оказались одинаковые рост и телосложение? Может. Но это слишком уж невероятное совпадение. Мне нужно узнать про этого Ежова подробнее – рост с точностью до миллиметра и массу с точностью до грамма. Если будет идентично... тогда гипотеза окончательно подтвердится. Ну и, конечно, посмотрим, отклонится ли стрелка прибора...

– А что будет, если отклонится?

– Можно будет вернуться, вот что... Но один я эту дрейву не закончу – деталей не хватает...

Глава 5

Планетоид PSTB-4533-8572-9382-4920-abn, чаще именуемый просто Персефона, спокойно и несуетливо двигался по своей орбите вокруг Деметры. Точно так же, как он двигался уже многие миллионы, если не миллиарды лет.

Правда, последние несколько тысяч отличались от предыдущих – на нем копошились какие-то букашки, вокруг летали какие-то мошки, а из его стороны, обращенной к Деметре, выросли тоненькие прутики.

Стациопланетный лифт С-25, одна из шести артерий, соединяющих Деметру и ее спутник, по которым ежедневно двигались грузовые и пассажирские потоки, заканчивал работу. Персефона двигалась по своей орбите очень медленно – полный оборот вокруг Деметры занимал целый месяц. Но все-таки двигалась. Кроме того, она вращалась и вокруг своей оси, правда, еще медленнее: такой оборот занимал сорок два дня. И тем не менее, это изрядно затрудняло работу стациопланетных лифтов – сами попробуйте соединить две планеты таким вот «мостиком». Это все равно что пытаться связать канатом два самолета, летящие на разной высоте и с разными скоростями.

Вот и сейчас один из лифтов складывался, как коленка кузнечика – его переводили в новое гнездо. Там, внизу... в обоих внизу, ибо для тех, кто висит в космосе меж двух планет, не существует одного низа, сейчас готовились к приему «домашних» секций лифта.

Все остальное перетащить было не так уж трудно – в конце концов, в невесомости эти колоссальные трубы ничего не весят. Но вот подключение гнезд... это было самой сложной частью. И повторялось каждые две недели – реже не получалось, хотя лифтовые колонны и сделали настолько пластичными и гибкими, что они могли удлиняться чуть ли не втрое.

Ежов, не отрываясь, глазел на небо. В его время работа в космосе считалась геройством. Людей, побывавших на Луне, можно было пересчитать по пальцам. Еще дальше и вовсе не залетал ни один человек. Но сейчас в нескольких тысячах километрах над его головой работали десятки, даже сотни тысяч людей – самые обыкновенные механики, с обыкновенным рабочим днем и стандартной зарплатой. Никто из них не видел в своей профессии ничего особенного. Орбитальные лифты стали такой же обыденностью, как в наше время – газопровод.

Джина вела катер на четвертом уровне. Еще ниже машинам тяжелее двух тонн опускаться запрещалось. Всего же уровней было восемнадцать – самый верхний находился уже в стратосфере. Воздух Персефоны кишел летунами самых разных мастей.

Конечно, далеко не везде – в воздухе тоже имелись свои дороги и свои правила движения.

К примеру, полеты над космодромами не разрешались – исключения делались только для тех, кто летит именно в космопорт. Впрочем, даже если бы такого запрета и не было, туда бы все равно никто не совался – даже самый крохотный звездолет больше самого гигантского катера. Летать над космодромом – это все равно что ездить по железнодорожному полотну, или плавать в порту рядом со швартующимися кораблями.

Здания Персефоны стоят не слишком часто. Точнее, очень редко – в среднем через два-три километра. Но все такие дома возвышаются над поверхностью километров этак на десять, и сами по себе тянут на целые города.

В каждом небоскребе живет от ста пятидесяти до четырехсот тысяч жителей. Были случаи, когда человек всю жизнь проводил в одном-единственном здании, ни разу не выходя за его пределы. Между небоскребами тянутся подвесные дороги и трубоканалы, и по ним со страшной скоростью снуют машины и цейки (своего рода поезда, только без колес).

Малый планетарный катер модели «Эриния», тип четвертый, был очень хорошим транспортом. Примерно как навороченный джип в наши времена. В нем успешно могли разме-

ститься семь, а то и восемь человек. Правда, Остап занимал сразу три места, но это не имело большого значения.

Еще это транспортное средство было снабжено оружием, защитными установками, информ-системой и кучей других прибабасов.

Информ – так в семьдесят втором веке называют компьютеры. Точнее, приборы, объединяющие в себе компьютер, телевизор, телефон и еще много всякого. Прибор для приема и обработки информации – вот что такое информ.

Упрощенные информеры представляют собой простой экран, на манер телевизионного. Но гораздо более распространены трехмерники, с голокубом вместо экрана. Такой был и здесь. Ежов включил его, и перед ним засветился прозрачный голокуб с диагональю в метр двадцать. Хотя его можно было увеличить или уменьшить до любых размеров.

– И что с этим делать? – почесал в затылке он.

Спрашивать совета не хотелось: Джина вряд ли соизволила бы помочь, а Остап облокачился на борт и увлеченно глазел по сторонам – катер пролетал по персефонской «Улице Красных Фонарей». Она представляла собой два узких и длинных здания, удерживаемые тысячами силовых нитей по краям самой оживленной аэромагистрали. И над ней, разумеется, в изобилии светилась реклама – голоизображения самых популярных «работниц».

Михаил и сам оторвался от информера – какой нормальный мужик пропустит подобное зрелище? Правда, налево он старался не смотреть – там преобладали лица мужского пола (в СОП царит политика равных прав). Зато справа были выставлены на показ сотни девиц всех мастей – брюнетки, блондинки, рыжие... здесь встречались все существующие цвета.

Но особенно его глаза выпучились, когда началась экзотика – инопланетянки. Разумеется, только человекоподобные – всякие извращения на всеобщее обозрение не выставлялись. Но и этих вполне хватало. Женщина, покрытая черно-рыжей короткой шерстью, напоминающая ягуара. Настоящий кентавр – снизу лошадь, сверху очаровательная дама. Безволосая девица с голубой светящейся кожей. Великанша – если только дизайнеры не увеличили ее изображение, в этой мадам было без малого четыре метра. И многие, многие другие...

– Тихише, гарна дивчина! – то и дело хватался за штурвал Остап – Джина все порывалась поддать газу. – Ни швыдкуй – дай хвилинку подывиться! А гирше – пойдем на пару годин, покохалымся, отдохнем от робления! Пидтрымаешь мэни компанию?

Джина только злобно шипела голосом кошки, которую макают в воду.

– Елы-палы, как у вас все открыто! – позавидовал Ежов. – У нас такое только в Амстердаме... ну, чтобы законно и в крупных масштабах.

– В СОП очень мягкие законы, – буркнула Джина, резко прибавляя скорости – вдоль улицы красных фонарей катер еле плелся. Вдоль нее все летели очень-очень медленно. – Проституция узаконена. Наркотики узаконены. Азартные игры узаконены. Абсолютная гласность и свобода слова. Президент – чисто декоративная фигура. Конгресс – сборище пустомель. Вся власть в руках гигантских корпораций. Деньги решают все.

– Кроу вирно каже, – закивал Остап. – Таку гарну кохалыну бильш ниде не углядаешь. Ну разви що на Афродите...

Про Афродиту Ежов уже успел услышать – Лас-Вегас будущего. Находится на территории шебедео – разумной расы, похожей на ползучие растения. Один мегамиллиардер еще в прошлом тысячелетии купил у них крупный астероид, терраформировал и устроил там своеобразную офшорную зону – никаких законов, никакого правительства, идеальное место для отмывания денег. Всем заправляет мафия. По части развлечений Афродита с легкостью переплевывает даже столицу СОП.

– Зупини тут, будь ласка! – взмолился Остап через пару минут.

На этот раз Джина все же неохотно послушалась. Катер притормозил возле здания в форме шара, висящего прямо в воздухе. Его вершину украшала огромная буква «М».

– Это что, «Макдональдс»? – поразился Ежов.

– Ни, це «Мьясни стравы»! – облизнулся Остап, заглядывая в окошечко. – Дивчина, дай мэни, будь ласка, два бифштэкса з свыныны, сосыскы, зразы и порибрыну свынячу!

Заказанными блюдами Остап ни с кем не поделился. Джина есть не хотела, а Михаил постеснялся тоже что-нибудь заказать. Денег у него не было, и он сомневался, что эти двое заплатят за него.

С информом Михаил в конце концов все-таки разобрался – управление там оказалось очень простое. Есть голосовой интерфейс, есть прямое нейронное подключение, но можно и просто руками. В голокубе нашлось множество разных иконок, которых надо было просто касаться.

По сути – все тот же «Windows», только вместо мыши собственные руки.

Имелся и глазной интерфейс – специальный монокль, надеваемый на глаз. После этого управлять информом можно было простым движением зрачка. Но это требовало хотя бы небольшой тренировки, и с первого раза у Ежова ничего не получилось.

Он некоторое время безуспешно искал клавиатуру, а потом нашел – внутри все того же голокуба. Коснувшись одной из иконок, зажег голоклавы. Почти та же самая клавиатура, только нематериальная. Однако ее можно было успешно передвигать и менять размеры. Хотя Михаилу она ничем не помогла – да, он неведомым образом выучил общечеловеческий, и даже мог читать на нем, но отдельные буквы так и остались незнакомыми. Кстати, их оказалось необычайно много – почти сорок.

Разумеется, информ катера имел доступ к инфосфере – далекому потомку Интернета, пронизывающему значительную часть человеческих территорий. Впрочем, отнюдь не все – имперцы, к примеру, пользуются своей сетью, ничуть не похожей на то, что у других. А бундесы хотя и употребляют инфосферу, но, так сказать, кастрированную – порядком ограниченную в возможностях. Все-таки Бундестаг – тоталитарное государство, полностью контролирующее все аспекты жизни своих граждан.

Открыв доступ к инфосфере, Ежов моментально понял, почему имперцы отказываются пользоваться этой штукой. Голоэкран в первые же секунды подключения переполнился рекламой и прочими прелестями жизни. Автоматически включился антивирус, заработавший со страшной скоростью – вирусы и трояны сыпались, как из рога изобилия.

С превеликим трудом Ежов продрался сквозь эти кущи, некоторое время пытался что-то искать, но очень быстро сдался – инфосфера оказалась огромной навозной кучей, в которой лишь кое-где попадались крохотные жемчужинки. Новичок, севший за информ первый раз в жизни, мог найти что-нибудь разве что по счастливой случайности. Хорошо еще, что Михаил неплохо ориентировался в той, старой Сети, иначе бы вообще ничего не сумел...

Отключившись от инфосферы, Ежов, однако, оставил работать антивирус. Даже такое краткое подключение оставило в памяти информера кучу мелких неприятностей.

Джина тем временем начала сбавлять скорость – катер подлетал к тринадцатому небо-скребу сектора D – местонахождение магазина Оливии Риоскэ.

И квартиры, конечно.

Как и любой дом, этот был увит спиралями пристенных тротуаров, и со стороны напоминал огромную схему ДНК. К спиралям примыкали штыри силовых держателей – стоянки для воздушного транспорта. Разумеется, возле каждой торчал кредитник – на СОП нужно платить за каждое движение, за каждый вздох.

Джина и Остап отправились в город в том же виде, в каком расхаживали по кораблю – одна в черном обтягивающем латексе, а второй в шортиках на голое тело. И резиновых тапках. На Земле двадцать первого века такая парочка моментально привлекла бы уйму любопытных взглядов.

На Персефоне семьдесят второго – обыденная часть пейзажа.

В магазине со скромной вывеской «Пушки и пушкари» Оливии не было. Более того, клерк сообщил, что хозяйки нет и не будет. И увидеть ее невозможно. Причем по самой уважительной причине из всех возможных – она шесть дней, как умерла.

– Сама... или помогли? – насторожился Михаил.

– А как вы думаете, сэр? – устало спросил клерк. – Когда человеку прожигают голову лучевиком, на что это похоже?

Джина и Остап в разговоре не участвовали – глазели на витрины. Вот здесь они оказались максимально солидарны – бывшая десантница и бывший гладиатор самозабвенно любили оружие. Только Джина отдавала предпочтение легкому и быстрому, вроде небольших одноручных лазеров, а Остап предпочитал огромные тяжеловесные пушки. Ежов с легкостью представил его в звериной шкуре, с огромной дубиной, в одиночку заваливающим мамонтов.

Вообще, то, что Джине запретили проносить в город оружие, выглядело ужасно глупо – при желании она могла купить здесь точно такое же. Не требовалось ни документов, ни каких-либо справок – плати и забирай. Хоть базуку, хоть гранатомет, хоть плазмометатель.

Квартира Оливии тоже ничем не помогла – ее успели полностью очистить от вещей предыдущей владелицы и продать. Дело об убийстве положили под сукно – полиция СОП славилась своей безразличностью и коррумпированностью. На лапу брали все без исключения.

– Это не может быть совпадением, – вслух рассуждал Михаил, пока они шли к катеру. – Уж слишком кстати ее убили. С чем эта Оливия была связана? Откуда Моручи ее знал?

– Тебе же сказали, дурачок – мы на нее раньше работали, – хмыкнула Джина. – Доставили ей ворованных роботов. Тайфун был частью гонорара. Все!

– Та що ты кажешь! – покачал головой Остап. – Ни усе, Кроу, зовсим ни усе. Та баба теж со Сварогу, як капитан. Оливия Федоровна Риоскэ кличуть. Оне з капитаном, мабуть, и ране друг дружа зновали.

– Понятно... – задумался Михаил. На самом деле, ему ничего не было понятно. – Еще информация есть?

– Та ни... – пожал плечами Остап. – Ну що, йихаты ще далеко, треба десь перекусити...

Он не успел договорить – из прямоугольного окна, расположенного аккуратно над входом в сорок четвертый жилой отсек небоскреба, выстрелили. Короткая красная вспышка ударила точно в спину Ежова, чуть повыше поясицы. Детектив удивленно моргнул и начал падать. Джина и Остап тоже удивленно моргнули, замерев на какое-то мгновение, а потом резко перешли из положения покоя на максимальную скорость.

– Де ж вони... вин, вин!!! – гаркнул Остап, указывая рукой-окороком на то самое окно. – Хапай його скоріше, бо втече!

Джина без лишних слов прыгнула ему на руки. Великан уже знал, что делать – он в один миг сложил даму покомпактнее и попросту швырнул ее в стрелявшего!

Гладиаторы Золотого Кольца – это, по сути, особая раса. Их называют алкморегами – по фамилии ученого, который разработал этот метод. Гладиаторские бои на этих стероидах пользуются огромной популярностью, и те, кто в них участвуют – тоже. Будущих бойцов готовят с колыбели – с самого рождения вместо молока кормят специальной сывороткой, наполненной стероидами и анаболиками так, что ложка стоит.

Гладиаторы в полтора раза выше среднего человека, в шесть-семь раз тяжелее, и обладают силой взрослого слона. Даже двух слонов. Но за такую мощь приходится дорого платить – у сыворотки множество побочных эффектов. Почти все гладиаторы – полуидиоты, неконтролируемый рост мышц фактически разрушает их мозг. Однако бывают и исключения, подобные Остапу. Он еще в молодости сбежал с родины, ибо не желал тратить единственную жизнь на увеселение толпы.

Но сила алкморега у него была. Вполне достаточно, чтобы поднять планетарный катер или... подкинуть женщину среднего веса вверх на двенадцать метров.

Джина в полете развернулась, хватаясь одной рукой за подоконник, и влетела в комнату, сбивая с ног парня с лучевым ружьем. Тот попытался сопротивляться, но уже через две секунды его оружие перекочевало в руки десантницы, а челюсти и пах превратились в кашу – Джина всегда первым делом била в эти места. Михаил – парень крепкий, и кое-как выдержал ее напор, а вот этот киллер...

В глубине квартиры прошипела раздвижная дверь.

– Дьявол, второй ушел! – сжала кулаки Джина, выскакивая следом и убеждаясь, что телепорт уже сработал.

Но второй не ушел. Второй... точнее, вторая, ибо это была женщина, не нашла ничего лучше, кроме как выбежать наружу через ближайший выход. И врезалась в громадную тушу, именуемую Остапом. Великан перекрыл собою двери, как пробка горлышко бутылки.

Джина отволокла свою жертву к катеру и швырнула его на заднее сиденье. Туда же отправилась и женщина, бьющаяся в ручищах Остапа, как крыса в зубах терьера. А вот Ежова они положили аккуратно, лицом вниз, стараясь не задеть горелое отверстие на спине. Михаил еще дышал, но еле-еле.

– Как думаешь, выживет? – равнодушно осведомилась Джина, запуская «Эринию». Добытое ружье она положила рядом с собой. Модель была самая дешевая.

– Може выживе, – задумался Остап. – Швыдко доведемо, Бархат його прооперуе. А ни – на тот свит, теж дило... На тому свите гарно... хотив бы думаты.

– Куда вы нас везете? – жалобно спросила женщина на заднем сиденье. Судя по внешности, ей было от сорока до восьмидесяти лет.

– Я разрешала открывать рот? – прорычала Джина.

– Зараз мы злетаем до хаты, до Фриды, – охотно объяснил Остап. – Вона скаже, що вы за людыны, да чому вы нашого товарища з гвинтивки потравмували. А дале будемо бачиты, що з вами робыты. До речи – никто ни окровавлен? А то глядайте у мэнэ, без фокусив – усех порешу, коли кров почую!

В кают-компании царил покой и уют. Дельта играл на небольшом вакуумном синтез-органе – он любил музыку. Его четыре руки с гибкими сталепластиковыми пальцами порхали над клавишами, как бабочки, порождая божественные звуки. Разумеется, мелодия была очень грустной – робот-меланхолик просто не мог сыграть хоть что-нибудь веселое.

Дитирон слегка притопывал в такт – он любил музыку не меньше Дельты. Косколито и Фрида тоже танцевали, причем вместе – несмотря на слепоту и изуродованные ноги, девушка двигалась очень изящно. Человекоящер старался не касаться своей партнерши – пальцы серпанов оканчиваются когтями, а у человеков такая тонкая кожа... Правда, у Фриды отсутствовало чувство осязания, но тем не менее.

Соазссь вместе с VY-37 колдовал над информом, подсчитывая сегодняшнюю прибыль. Вид у него был ужасно недовольный – ему казалось, что они продешевили. Впрочем, ему это казалось всегда. Даже когда «Вурдалак» продал две тонны кадмия с восьмисотпроцентной накруткой, Соазссь все равно горевал о потерянных деньгах.

Хотя тех денег хватило, чтобы модернизировать корабль на две трети класса!

Койфман разгадывал кроссворд. То есть, триворд – головоломка была голографическим трехмерником, и слова располагались не в двух, а в трех направлениях. Точнее, в четырех – была еще и спираль, проходящая сквозь основную ось.

Не хватало Тайфуна, Рудольфа и Бархата. Первый по-прежнему сторожил вход, второй в тысячный раз разбирал реактор (просто так, для развлечения), а третий обедал. Сиреневый Бархат мог есть только в специальных условиях, окруженный родной атмосферой. А поскольку родился он в густом кисельном воздухе, на семьдесят процентов состоящем из метана, трапез-

ничать ему приходилось отдельно ото всех, в специальном помещении, наполненном привычной смесью газов. Там же он и спал.

И вся эта идиллия рассыпалась в прах, когда в кают-компанию ввалились Джина с Остапом. Гигант нес на плечах два неподвижных тела, а десантница волочила за волосы женщину, визжащую от боли.

– Фрида, займись этими двумя! – потребовала Джина. – А этого в лазарет, а то подохнет!

– Джиночка, деточка, что случилось? – приподнял брови Койфман, вставая с дивана. –

Нашли что-то интересное?

– Ничего цикавого! – пробасил Остап. – Розыскувальника нашего кокнули, мабуть, биятся, що вин шо-то знайшов. Но в розвідку мы таки ни зря ходе. Знайшли двух гумористичных людыв с гвинтивкой. Жаль, що с розыскувальником так сталося, но ничего не поробиш – буде дотримуватися постильного режиму, дотримуватися diety...

– Что-то ты расболтался, человек, – неодобрительно покачал головой Косколито.

Соазссь с Дитироном уволокли Ежова в лазарет – ему предстояло долгое лежание в регенерационной ванне. И, конечно, над ним должен был как следует поработать Бархат...

Михаил очнулся от необычного чувства – он висел в воздухе, ничем не закрепленный. Под ним располагался ярко-желтый металлический диск. Он едва заметно вибрировал, и в такт ему вибрировал пациент. С потолка время от времени светили голубоватые лучи, как бы поглаживающие кожу.

А еще рядом висел Сиреневый Бархат. Его поверхность поминутно меняла цвет, образовывая все более причудливые узоры, а псевдоподии еле заметно шевелились, и с них срывались тончайшие полупрозрачные блики, оседающие на Ежове. С каждым таким бликом рана в спине еле заметно уменьшалась. Боли не было, только щекотка.

– Привет, человек, – оскалился Косколито, стоящий рядом. Еще там была Джина – она только коротко кивнула. – Шивой?

– Вроде бы... – не слишком уверенно ответил Михаил. – А что случилось?

– Тебя подстрелили, – сухо сообщила Джина. – Но мы взяли тех, кто это сделал. Оба живы...

– Мушчина с трудом, – неодобрительно посмотрел на нее бледно-лиловыми глазами Косколито. У большинства серранов глаза желтые, зеленые или красные, так что дома он выделялся из толпы. – Ты не могла калечить его не так сильно? Ты же самка – самки долшны вести себя тихо, воспитывать детей и не лезть в бой. Вы, человеки – нисшая раса, вы неправильные.

– Сейчас ты у меня будешь воспитывать детей, чешуйчатый, – фыркнула Джина. – Фрида просмотрела им мозги – они ничего не знают. Мужчине указали место, сказали, что ты скоро там появишься и велели убить. Ему дали твою голографию – он говорит, очень странную голографию.

– В чем именно ее странность? – спросил Ежов, по-прежнему лежа в регенерационном поле.

– Не сумел объяснить. И Фрида не смогла...

– Она же слепорожденная! – вмешался Косколито. – Как она объяснит, как эта голография **выглядела**?

– Это он убил Оливию Риоскэ? – спросил Михаил.

– Угадал, человек, – улыбнулся зубами-иглами серран. – Неделю назад его наняли убить двоих – ту самку и тебя.

– Кто нанял?

– Он не снает его имени и не видел его лица. Сакас пришел по инфопочте, анонимно.

Он всегда так получает сакасы.

– А женщина... вы говорили, что с ним была женщина?

– Она вообще ни при чем, – хмыкнула Джина. – Хозяйка квартиры. Он заплатил ей, чтобы она разрешила воспользоваться квартирой. Вот дурища-то, а?

– Елы-палы... – слабо усмехнулся Ежов. – Впервые слышу, чтобы киллера пустили в дом, чтобы он подождал жертву у окна... А Фрида ничего не упустила? Они точно ничего больше не знают?

– [*Мигающие белые огоньки, желтые параллельные дуги*].

– Да поняли мы, поняли, сейчас уйдем! – раздраженно отмахнулась Джина. – Фрида ничего не упустила. Но, если хочешь, можешь поговорить с ними сам. Привести?

– Мужчину придется нести – Остап ему ногу сломал, когда грусил, – облизнул глаз Косколито. Серраны, как ящерицы, время от времени облизывают глаза, ибо слезных желез у них нет.

– Ладно, не нужно. Что вы с ними сделаете?

– Эту дуру припугнем и отпустим. Мужика сдадим сатрапам... полиции, – пояснила Джина, заметив недоумение Ежова. – Койфман говорит, что этот парень полный идиот – вот если бы он хотел тебя убить, то взял бы снайперку, и сидел бы не у ближайшего окна, а в другом небоскребе. Пока бы мы дотуда добрались, он бы тысячу раз сбежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.